

Алексей В. Фомин
Доказательства существования ада.
Свидетельства переживших смерть

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7122807

Доказательства существования ада. Свидетельства переживших смерть.: Новая мысль;
Москва; 2009

ISBN 978-5-902716-16-7

Аннотация

В основу книги положены свидетельства о посмертных ощущениях людей, переживших клиническую смерть. В настоящее время реанимация достигла таких высот, что стали появляться многочисленные данные о том, что за смертным порогом нас ожидает не только рай, но и ад.

Неоценимыми будут обширные материалы об отношении Церкви к истинному предназначению человеческой души. Ведь для верующего человека свидетельства Священного Писания о загробной жизни гораздо важнее, нежели доказательства разума человеческого. Книга представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей. Часть материалов публикуется в России впервые.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
«Я не хочу умирать!!!»	7
Первые минуты после смерти	12
«Приучите себя к мысли о смерти...»	15
Смерть – последняя станция или проходная?	20
Правда о смерти	24
Реальность смерти	27
Природа смерти	27
Действие смерти	28
Смерть и воскресение	30
Таинство смерти	36
Глава 2	41
Прав ли доктор Моуди?	41
Дорога в ад	46
В ад и обратно	49
Проблески видений после жизни	49
Сердечный приступ может застать Вас где угодно	50
Другие причины смерти – кого мы воскрешаем?	50
Что чувствует мертвый?	51
Почему не сообщается о случаях попадания в ад	53
Библия и ее аспекты в понимании данного вопроса	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Составитель Алексей Фомин

Доказательства существования ада.

Свидетельства переживших смерть

Первое издание этой книги в 2005 году было по благословению Высокопреосвященнейшего архиепископа Иваново Вознесенского и Кинешемского АМВРОСИЯ

Рецензент

1 й проректор Свято Алексеевской Иваново Вознесенской Православной духовной семинарии, кандидат исторических наук, доцент, иерей Алексей Федотов

Второе издание

Доказательства существования ада. Свидетельства переживших смерть

© Фомин А. В. Составитель, 2005.

© ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2005.

© Верстка, оформление, обложка – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ»

Издательство «НОВАЯ МЫСЛЬ» выражает благодарность православному издательству «Ермей» за предоставление изображения иконы св. Георгия Победоносца для оформления обложки.

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права авторов защищены. Все права на издание и название защищены. Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ» www.novm.ru

Предисловие

«Задумывался ли ты когда-нибудь, читатель, о конечной и для всех живущих на земле единственно общей цели всех земных трудов и усилий, всех горестей и радостей, разочарований и надежд, любви и ненависти, добра и зла – всего, словом, того, из чего сплетается терновый венец твоей жизни? Да, полно, знаешь ли ты даже, что это за цель такая? А если и знаешь, то помнишь ли о ней с той вдумчивостью, какой она по важности своей заслуживает?

Не думаю. Так позволь же мне, читатель мой и брат мой во Христе, напомнить тебе, кто бы ни был ты – народов ли повелитель, иль нищий бездомный, – что для жизни твоей нет иной цели, как смерть, как приготовление к смерти.

О, слово и дело великое и страшное! И как мало на свете людей, кто бы о нем думал!

«Помни час смертный и во век не согрешишь», – призывает к нам святая наша мать Церковь. «Во век не согрешишь!» Слышишь ли, что

говорит она? Забыли мы об этом для всех неизбежном часе: и во что же грехами своими обратили мы теперь весь окружающий нас мир? Забыли думать о смерти; но она не забыла о нас и с силой ужасающей все больше и яростнее, день ото дня, час от часу все безжалостнее вырывает она из рядов живых свои намеченные жертвы: война, голод, болезни, землетрясения, страшные и внезапные наводнения; общественные и семейные раздоры, доходящие до кровопролитий, в которых сыновья поднимают руку на отцов и матерей, брат на брата, мужья на жен, жены на мужей; междоусобная брань... Льется кровь потоками, и коса смерти пожинает такую обильную жатву, что сердце стынет от холодного ужаса. И, тем не менее, видят все это люди, видят все ужасы смерти, и мало кто думает о смерти. Как будто временно остающиеся в живых, одни они, имеют какой-то, им одним известный залог вечной жизни на земле, и только те, которые умирали, предназначены к смерти.

Нет, друг мой читатель, и тебе, и мне, и всему живущему на земле определено «человекам положено однажды умереть, а потом суд». Не обманывает тебя Богом в тебя наложенное предчувствие вечной жизни: она тебе дана, но только по смерти, как семеню, которое «если не умрет, не оживет». Весь вопрос заключен в том: как умереть и как ожить? Умереть ли для вечной жизни в грехе и в муке греха, или же для нескончаемой радости в блаженстве для правды, в вечном созерцании Источника всякой правды Отца светов, Бога Истинного?..

«В чем застану, в том и сужу»... Люта смерть грешников... Страшно грешнику впасть в руце Бога Живого в том вожделенном мире, где лица святых и праведников сияют, как светила!.. Не войдет туда ничто от скверны плоти и духа.

И слышится мне в тиши моего уединения, как враг-диавол нашептывает внимающему речам моим: «Не слушай его! Иди вслед за образованным миром, который уже давно на основании науки и разума отверг все эти басни отжившего свой век христианства. Что имело смысл для темного в младенчестве человечества, то «сознательным» человеком рассеяно, как дым суеверия и невежества. Из рук своекорыстных жрецов алтаря вырвана теперь власть морочить людей угрозой вечной жизни по смерти в вечных муках, предназначенной будто бы для тех, которые рабски не следуют в этой жизни их правилам. Смотри, даже простой народ, и тот уже понял, что он был окован в своей свободе, в свободном своем достоинстве человека, путами жреческой морали, на которой столько веков строилось рабство и угнетение личности во имя какой-то вечности в блаженстве, которой не видал никто, а все видели тиранию немногих над всеми, благополучие и довольство единиц, основанное на нищете, труде и горе миллионов, довольно сказок о Царстве Небесном; нам подай по праву принадлежащее каждому царство земное!»

Знакомые лукавые речи! Кто только не слыхивал их на своем веку, и не только извне, но и в тайниках глубинных своего сердца!.. Но не прельщайся ими, читатель, – они обманут

тебя, как обманули и погубили уже многих, – а последуй-ка лучше за мной в ту область, которая зовется миром своего и чужого опыта в духовной жизни, в мир наблюдений и воспоминаний как лично своих, так и тех людей, которые в той области тоже кое-что видели и наблюдали. Ведь и это тоже наука, но редко кто знает и хочет знать эту науку. Пойдем же, заглянем туда, где над нашим с тобой братом, русским человеком, таким же, как ты и я, уже пронеслось грозное дыхание смерти, где бесшумно, но таинственно и важно совершилось величайшее таинство перехода от жизни временной в жизнь вечную.

Пойдем же за мной туда, пока мы еще с тобой живы, пойдем хоть из простого любопытства!...»¹

Глава 1

Тайна смерти

«Я не хочу умирать!!!»

Было бы величайшей ошибкой думать, что жизнь человека после его смерти заканчивается. «А как это?» – спросите Вы. Вот, лежит человек, не дышит, сердце не бьется. Умер. Был человек – и нет его. Да и действительно, кто может обнаружить жизнь или признаки жизни в холодном трупе? Нет жизни в нем.

Небытие. Самое страшное, что меня пугало в детстве. Побывав однажды на кладбище в Старомихайловке, узнав, что люди умирают, я стал бояться. Бояться умереть. Я не мог понять, что будет со мной потом, после смерти. Где я буду? Гнить в земле? А как же это... Как это все ... неправильно... Меня не будет?! Но... я не хочу умирать!! Я хочу жить вечно!

Теперь я понимаю. Или делаю вид, что понимаю, на самом деле пытаюсь понять и более правильно осмыслить жизнь. А она невероятно коротка. Не успели мы родиться – уже «Изя все», как говорил М. Жванецкий. По статистике средний возраст жизни людей 70 лет. И то не все доживают до этого возраста. Да и не все время мы отдаем самой жизни – 23 года проводим во сне, 10 лет – безрассудное и безмятежное детство, 10 лет – учеба. $70(23+10+10)=27$. 27 лет нам отдается на жизнь. Мало? Я так тоже считаю. Но, и те самые 27 лет жизни мы зачастую проводим впустую – так, словно смерти никогда не будет. Но она неизбежно приходит и попирает все, чему мы поклонялись в этом мире – красоту, гений, богатство, власть... Она все уравнивает. Человек рождается и умирает с пустыми руками.

Каждый год смерть уносит с лица Земли более 60 миллионов человеческих жизней. Прошла одна минута, а уже около 100 человек оставили мир сей. Ежегодно кладется в Землю около 1,5 миллиона тонн человеческого мяса, костей, крови. И это все разлагается, как никому не нужные отбросы. Так неужели это и все, что остается от «царя природы», homo sapiens, человека разумного, мыслящего существа? За всю жизнь человек получает колоссальные знания. И зачем? Чтобы стать потом удобрением? Пищей для червей? «Да ведь это нелогично!» – скажите Вы. Не может быть такое! Человек – единственное из всех живых существ на Земле, познал и расщепил атом, получив в руки свои неограниченную и страшную энергию, не имея крыльев взлетел в небо, не имея плавников и жабр, быстрее любой рыбы передвигается в воде, наконец, создал суперкомпьютеры, позволившие связать воедино в киберпространстве миллионы подобных себе...

Жизнь и смерть. Величайшее благословление и проклятие во Вселенной.

Но Вы можете мне возразить – насчет благословления это понятно. Рождаемся, живем – это хорошо, это просто прекрасно. А насчет проклятия? За смерть понятно, а вот с жизнью явный перебор. Неужели найдется кто-нибудь, не желающий вечно жить? Нет таких!

Тут уже можно и поспорить. Хорошо живете, да? Это понятно. Хорошо жить можно с радостью. Или в радости. А как насчет того, чтобы жить калекой? Прокаженным? И жить не день, не два – а вечно... Страшно?

Почти любой человек однажды начинает задумываться, что пора. Пора туда. Но куда? Что же там, на темной стороне Луны? Что ждет нас за порогом смерти? Величайшая радость или величайшее проклятье?

На этот вопрос существует несколько мнений. Каждый человек ищет или строит, или выбирает теорию про тот свет, как можно более применимую для себя.

Согласно теории материализма души нет. Стало быть, нет и загробной жизни. Человек ведь умирает. И все. И больше ничего нет от него. Повспоминают его еще немного, а потом и забудут.

Скажу, почему она была такой популярной среди господ материалистов. А потому, что ...

Им преподавали учителя, что впереди – ничего, пустота, гниение, что ни благодарности, ни возмездия за содеянное ждать не приходится. И они принимали эти жалкие идеи, потому что они казались такими простыми, такими очевидными, а главным образом потому, что люди были совсем молоды, обладали прекрасным здоровьем тела и смерть казалась далекой абстракцией. Сотворив зло, всегда есть надежда уйти от наказания, потому что наказать их, как они думают, могут только такие же люди.

Соответственно, так и полагается. Раз нет ни воздаяния за хорошие дела ни возмездия за плохие, значит можно все. И действительно, кто тебя накажет, кто образумит? Ведь наказать тебя могут такие же, как ты. Но им-то тебя за что наказывать? Они же точно такие, как и ты. Ворон ворону глаз не выклюет. Поэтому, можно без труда убить человека, ведь «мертвые не кусаются». Можно пнуть калеку, обидеть слабого человека – он ведь никогда тебе не даст сдачи. Можно, все. Можно дойти уже до такого предела, что мы, поправ такой воистину дивный дар Божий, как материнство, удивили ужасом все и вся, отравив дар сей дивный ядом цинизма, злобы и равнодушия.

Противоречие, которое нас буквально потрясает, состоит в том, что люди, с одной стороны, активно выступают за права человека, а с другой – ратуют за аборты, попирая таким образом жизнь, самое-самое элементарное право – право на жизнь невинного и незащищенного существа. Ужас, да и только. Мы пытаемся отменить смертную казнь, потому что жалко преступника. И в то же время узакониваем убийство ни в чем не повинного существа, нас абсолютно не волнует убийство ребенка, который еще не родился! Мы чувствуем омерзение к убийце, и несем цветы другой, которая уничтожает своего дитя в благообразной обстановке операционной.

Согласно христианской, православной точки зрения «Бог создал два мира: один настоящий, другой будущий, один чувственный, другой духовный, один на опыте, другой в надеждах, один для нас – поприще, другой – место награды, одному быть в борьбе, труде и подвиге, другому – венцы, награды, воздаяния, один сделал морем, другой – пристанью» (Св. Иоанн Златоуст).

Придет такое время, когда будет Страшный суд. Все люди от первого до последнего человека оживут, и вся эта священная могила восстанет и будет вечная весна, новая жизнь.

Как произойдет воскресение мертвых? Это тайна, которая полностью не может быть нам открыта, лишь немного известно из пророческих книг. Но аналогию дать можно. Представьте, что батальон в походе заночевал на лесной поляне. Ночью выпал снег, и при лунном свете эта поляна казалась кладбищем, а каждый спящий солдат – могильным бугорком. Но рано утром дали сигнал подъема, и каждый солдат – могильный бугорок – зашевелился, проснулся и встал. Это только очень приблизительно может изобразить всеобщее воскресение мертвых в день Страшного суда. Так наступит время, и все человечество оживет, люди воскреснут в одно мгновение, люди всех времен и поколений, воскреснут добрые и злые, а те, кто остался – изменятся. Если человек на земле жил с Богом, верил в Него, молился, то в нем сохранилась благодать Духа Святого, и в день Воскресения он оживет для жизни в Боге. «В Воскресение тела христиан прославятся и просветятся по мере благочестия души», – говорит преподобный Макарий Великий. А тот человек, который был духовно мертв и не способен любить Бога и ближних, делать добро, и молиться, и умер без покаяния, – он не воскреснет для вечной жизни, но оживет для вечного мучения, для гееннского огня. Повестка

на Страшный суд дается человеку, как только он рождается, и вся земная жизнь – лишь подготовка к ответу, который в день Страшного суда придется дать каждому из нас.

Кстати, любопытный факт. Когда Ньютона спросили, как Бог может воскресить тела человеческие, которые давно истлели, рассыпались в прах, перемешались с землей. Ньютон сделал такой опыт: насыпал в пробирку горсть металлической пыли, смешанную с землей. Затем перемешал. А потом взял магнит, отделил землю от металла и сказал: «Если нам, людям, легко сделать такой опыт, то Богу, Который из небытия в бытие привел весь мир, нет никаких затруднений воскресить мертвых людей».

И вот человек станет бессмертным, в то время у него откроются такие способности памяти, что он будет помнить все свои грехи, которые он совершал. Все откроется в последний день. Мало того! Человек будет знать, сколько людей на земном шаре от первого до последнего, будет знать как их зовут и кто, когда и какие грехи совершил! Все увидят свои дела, свои мысли, как в зеркале и придут в ужас. Люди скажут: «Горы! Покройте нас!» – но смерти уже не будет. Каждого человека обличит совесть и каждому человеку Бог воздаст по делам его. Что посеешь – то и пожнешь: посеешь пшеницу – пожнешь небесную радость, посеешь полынь – вечную горечь. Жил на земле с Богом – будешь жить с Ним и на небе, жил с сатаной – будешь с ним мучиться в аду.

Что ж есть рай и ад? «Рай, – говорит в своих поучительных словах Илия Минятей, – есть благословенное отечество прародителей наших, это любезное пристанище надежды моей, это единственный желанный предмет любви моей, последнее воздаяние веры моей! И кого бы нам спросить, братии – кто бы нам поведал: что такое рай? Спросим об этом двоих богомудрых мужей, которые видели воочию его, это святые апостолы Иоанн Богослов и Павел. Иоанн говорит: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откр. 21, 10)

Но сей город был только образом рая Божия, на который, если бы мы удостоились когда-нибудь взглянуть, то очи наши уверились бы в красоте его, а ум наш бы все-таки не постиг бы, что такое рай. Апостол Павел был восхищен до третьего неба, в самый рай Божий, он видел то, что никогда не видели очи людские, чего не слыхало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его (1 Кор. 2, 9).

Там он слышал слова, которые на человеческом языке нельзя и рассказать. Два человека видели рай, и они не смогли его постигнуть и описать. Недаром один праведник сказал как-то: «О рай Божий! Мы можем тебя приобрести, но не можем тебя умом нашим постигнуть!»

Христос, Спаситель наш, называет рай жизнью бессмертной и вечной, и радостью бесконечной. «Возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» – говорит Он (Ин. 16, 22) Подумайте сами – что есть здешнее счастье? Мгновение прошло, радость прошла. И на смену мгновения отдыха приходит долгая скорбь. Предположим, тебя не мучает в данный момент проблема питания, пусть у тебя есть много денег, пусть тебя не заботит загрязнение окружающей среды, приближающаяся сессия, но одно заставляет замирать твое сердце время от времени – это страх смерти, ужас небытия.

Положим, ты бы никогда и не умер, но тогда всякое счастье теряет свой смысл. Ты счастлив, но желал бы быть более счастливым, а следовательно, счастье твое неполное, хоть и бессмертен ты, а все же несчастлив... А как насчет того, чтобы иметь такое счастье, чтобы не бояться смерти, не бояться болезни не знать ни нищеты, ни зависти, ни еще какой-либо актуальной заботы? А вот это и есть жизнь райская, жизнь полная радости нескончаемой, которая никогда не может убавиться, но всегда, во веки веков будет одна и та же, полная, совершенная. Человеческая душа устроена так, что ничем не может насытиться, а только Богом. Горька и солена океанская вода, но, если бы одна капля росы райской упала в океан – она бы усладила горечь его. Если бы упала в ад, то усладила бы всю его горечь, погасила

бы пламень адский, угасила бы все слезы грешников, и ад бы стал раем. Вспомним, кстати, притчу о богаче и Лазаре. Что же просил богач, оказавшись в адском огне, и увидев нищего Лазаря в раю?

– Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы он омочил конец своего пальца в воде и прохладил язык мой, потому что мучусь я в этом пламени.

Что же сказал ему Авраам? – Чадо! Вспомни, как на земле ты блаженствовал, а Лазарь страдал, ныне же здесь он утешается, а ты – страдаешь. Кроме того, между вами и нами утверждена великая пропасть, которую нельзя перейти ни вам ни нам.

Воистину, страшно становится о мысли, что я попаду не туда. Прямо мороз по коже.

А что же предстоит испытать грешнику, находящемуся в аду? Говоря про ад и адский огонь человек почему-то не испытывает такого трепета, когда речь заходит о рае. А что же там? Что есть геенна?

«Оставь надежду, всяк сюда входящий» (Данте Альегери). Благими намерениями вымощена дорога в ад. И страшный лозунг, висящий на воротах, ведущих в ад, по меньшей мере уничтожает все силы человека, все его стремления, все надежды вырваться оттуда. Как живут праведники, мы имеем небольшое представление. А грешники?

Жизнь душ грешных до всеобщего суда, по учению Православной Церкви, состоит: во-первых, в ясном и подробном осознании грехов, которыми оскорбляли в сей жизни Бога, и угрызений совести, которая там пробудится со всей своей силой. Во-вторых, в мучительном томлении и тоске от того, что их привязанность к плотскому и земному уже не может находить удовлетворения, а к небесному и духовному желание и вкус у них не раскрыты и они уже не могут раскрыть его. В-третьих, в удалении от Бога и святых Его, а вместо того, в сообществе с другими, такими же несчастными душами и особенно со злыми духами, и в других действительных муках ада, что будет, впрочем, только началом и предвкушением вечных мук.

Что же такое ад? Ад – это мрачная, подземная темница, безотрадное место плача, ужаснейшая печь огня неугасимого, где мучаются души грешных людей. Здесь их правосудие Божие будет уязвлять тремя страшными стрелами своего гнева: – раскаянием без пользы, безмерною мукою без малейшей отрады, крайним желанием без надежды, желанием Бога, без надежды на Бога.

Стрела гнева Божия – живое воспоминание о протекшей в грехах жизни, воспоминание горькое, которое производит еще более горькое, но бесполезное раскаяние. Вторая стрела – сама мука гееннская. Итак, собрание всевозможных и невыразимых мучений ожидает грешников аду. Все яды скорбей собраны в одну чашу, весь пламень огня соединен воедино, все муки вечные в одной минуте. Мучение вечное, без ослабы, без конца. Третья стрела Божия, уязвляющая сердце грешника, это желание без надежды, желание Бога без надежды на Бога. Как бурные волны огромного океана устремляются на скалистый берег, как будто желая затопить весь мир, но потом, ударившись о скалы, разбиваются на тысячу брызг и с пеною возвращаются назад, так и сердце грешников за гробом будет стремиться к Богу, но, встретив Его неизменное правосудие, твердое, подобно граниту, будет разбиваться о него, чтобы причинить грешной душе невыразимую скорбь и болезнь.

О, если б эта наша земная жизнь, как скоро она проходит, так же быстро и забывалась! Если бы мы, лишаясь наслаждений, лишались вместе с тем и памяти! Но нет! Что было, то уже нельзя переделать, и нераскаянный грешник никогда не забудет грехов своих. И вечно грехи будут мучить совесть его, вечно он будет раскаиваться, но без пользы, вечно он будет лить слезы, но не омоют они грехов его, нет! Они еще более разожгут пламень мучения. В аду нет покаяния.

Бедная душа моя, грешная! Что ты такое сделала, что мучишься так страшно? В чем ты согрешила, что мучишься тут вечно? Я вкусил каплю меда – и мучаюсь. И что такое было

плотское наслаждение, ради которого я отдал имение, жизнь и душу и сердце непотребности? Что, как не капля меда? А пиры и ликования, игры и потехи? Что это, как не капля меда? А эта сатанинская радость, когда я видел ближнего в несчастье, когда я мстил ему, поносил его из зависти или в злобе – что это было, как не капля меда? И все богатства мои, которые я стяжал беззаконием – что это было? И слава, и знатность, и честь, и покой? Что это было? Ради чего я потерял облик человеческий? Чем я стал?

Кузнецов М. В.

Первые минуты после смерти

*«Кто учит людей умирать,
тот учит их жить».*

М. Монтень

Как мне кажется, большинство наших современников очень мало знают о смерти и не готовятся к ней. Люди не задумываются о том, как происходит умирание и что их ждет после него. А между тем, смерть – единственный для всех путь, от которого никто не может уклониться ни вправо, ни влево, от смерти никто не может отказаться.

В Библии (книге Екклесиаста) есть такая фраза: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (12, 7).

Мы все идем по одному пути, от которого нельзя откупиться богатством. Сегодня жив, а завтра как будто и не было тебя; сегодня от нас пахнет духами, а завтра смердим; сегодня роскошествуем, а завтра с плачем провожают нас к гробу...

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь, – удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пядь земли сырой.

– Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана —
Но все равно она обречена.
Будь ты халиф или базарный нищий,
В конечном счете – всем одна цена.

– О сердце, твой удел – вовек, не зная сна,
Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?

О. Хайям

«Спрашивают, – писал Л. Н. Толстой – что будет с душой после смерти? Не знаем и не можем знать. Одно верно – это то, что если идешь куда-нибудь, то, наверное, откуда-нибудь вышел. Так и в жизни. Если ты пришел в эту жизнь, то откуда-нибудь вышел. Откуда и от кого вышел, туда или к тому придешь».

Точек зрения на то, что происходит в первые минуты после смерти достаточно много. Давайте познакомимся с тем, что происходит с душой с точки зрения Православия.

Когда умерший понял, что он умер, он все еще смущен, он не знает, куда идти и что делать. Некоторое время его душа остается вблизи тела, в знакомых ей местах. Первые два дня душа сравнительно свободна. Потом она перейдет в иной мир, но в эти первые минуты, часы и дни она может посетить дорогие ей места на земле и людей, бывших ей близкими.

О том, что происходит с душой сразу после ее выхода из умершего тела, пишет архиепископ Антоний Женевский: «Итак, умирает христианин. Душа его, очистившаяся в какой-то степени в самом исходе из тела, благодаря только страху смертному, покидает безжизненное тело. Она жива, она бессмертна, она продолжает жить полнотою той жизни, которую она

начала на земле, со всеми своими мыслями и чувствами, со всеми добродетелями и пороками, со всеми достоинствами и недостатками. Жизнь души за гробом есть естественное продолжение и последствие ее жизни на земле». Личность остается неизменной.

Архиепископ Антоний поясняет это такими словами: «Если бы смерть изменяла бы коренным образом состояние души, то это было бы насилием над неприкосновенностью человеческой свободы и уничтожило бы то, что мы называем личностью человека».

После смерти тела душа живет «всей полнотой жизни», и значит, личность будет и дальше развиваться в ту или иную сторону. Архиепископ Антоний развивает эту мысль дальше: «Если умерший христианин был благочестив, молился Богу, надеялся на Него, покорялся Его воле, каялся перед Ним, старался жить по заповедям Его, то душа его после смерти радостно ощутит присутствие Божие, приобщится сразу, в большей или меньшей степени, к жизни Божественной, открытой ей...»

Если же умерший в земной жизни потерял любящего Отца небесного, не искал Его, не молился Ему, святотатствовал, служа греху, то душа его после смерти не найдет Бога, не способна будет ощутить Его. Лишенная Божественной жизни, ради которой был создан богоподобный человек, неудовлетворенная душа его начнет тосковать, мучиться в большей или меньшей степени... Ожидание воскресения тела и Страшного суда будет увеличивать радость благочестивых и скорбь нечестивых».

Архиепископ Лука говорит о состоянии человеческой души после смерти следующее: «В бессмертной душе человеческой после смерти тела продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие в направлении добра и зла».

Самое страшное в этих словах архиепископа то, что в момент смерти тела уже определено ВСЕ дальнейшее развитие души в направлении к добру и злу. В загробном мире перед душой две дороги – к свету или от него, и душа после смерти тела уже не может выбирать дорогу. Дорога предопределена жизнью человека на земле.

Архиепископ Антоний говорит то же самое и напоминает, что возможности души после смерти ограничены. Вот его слова: «Продолжая жить после смерти тела, душа всем своим существом располагает полнотою личности и самосознания. Она чувствует, сознает, воспринимает, рассуждает... Однако не будем забывать того, что душа вне тела – неполный человек, потому что не все, возможное людям, возможно их душам. Несмотря на то, что души после смерти тела обладают полнотою личности и совершают все психические функции, возможности их ограничены. Так, например, человек живя на земле, может покаяться и более или менее изменить сам свою жизнь, от греха вернуться к Богу. Душа же сама не может, хотя бы и хотела, коренным образом измениться и начать новую жизнь, которая совершенно отличалась бы от ее жизни на земле, приобрести то, чего она не имела, будучи человеком.

Именно в таком смысле надо понимать слова о том, что за гробом нет покаяния. Душа живет там и развивается в том направлении, которое начала на земле».

Епископ Феофан Затворник пишет о загробном мире следующее: «Внутри или в глубине мира, нам видимого, скрыт другой мир, столь же реальный, как этот, либо духовный, либо тонко материальный – Бог знает... но известно, что в нем живут святые и Ангелы. Душа стремится вверх, но только до той степени, какую допускают ее духовные силы. Вокруг души теперь все новое. Она может мгновенно переноситься куда захочет, может проходить сквозь стены, двери, сквозь все материальное...»

Повествование Священных Книг и рассказы наших современников, заглянувших за завесу загробного мира, почти идентичны. Описываются одни и те же восприятия и феномены: прохождение через темный туннель, свет, способность мгновенно преодолевать любое пространство и проходить сквозь все материальное, сжатие времени, безуспешные попытки контакта с живущими на земле, видение своего тела со стороны. Потусторонняя

природа – растения, животные, птицы, небесная музыка, хоровое пение описаны и там и здесь.

Зрительное воплощение вышесказанного я увидел в фильме Винсента Уорда «Куда приводят мечты». Кстати, этот фильм получил премию Оскар за лучшие визуальные эффекты.

Вернувшиеся «оттуда» рассказывали о встречах с разными духовными существами. Они видели своих прежде умерших родственников и других близких людей, патриархов, святых, Ангелов, «гидов». Христианство тоже обещает встречу с умершими любимыми и учит, что душу умершего очень скоро встретит Ангел-хранитель и встречный Ангел, которому нужно молиться при жизни. Ангелы будут направлять и сопровождать душу при ее первых шагах в новом мире.

Однако в то время как современные нам свидетельства говорят главным образом о радостных встречах и светлых духах, христианские источники пишут о другом. Очень рано душу встретят уродливые и страшные существа. Они будут преграждать ей дорогу, будут покушаться на нее, грозить и требовать свое. Злые духи могут принимать любую форму, чтобы, давая лживые советы, направить душу на неверный путь.

Труды реаниматоров показали, что очень скоро после попадания человека в потусторонний мир перед ним проходят картины его теперь уже прошедшей земной жизни. Это дает возможность просмотреть и переоценить свою жизнь в теле. Христианство тоже знает об этом просмотре прошедшей жизни, но смысл его понимает иначе и называет его посмертными мытарствами, где взвешиваются добрые и злые поступки, совершенные человеком в земной жизни, которые и определяют дальнейшую судьбу души умершего.

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не надейся и ты на возврат.

О. Хайям

Чтобы понять в чем смысл жизни, надо понять и осознать, что такое смерть... Вы действительно хотите того, чего Вы хотите?

Юрий Логачев, www.logachev.info

«Приучите себя к мысли о смерти...»

Возможно, вы удивитесь: слова, вынесенные мною в заголовок, принадлежат перу... Михаила Зощенко.

Ваше удивление вполне резонно. Действительно, казалось бы, известный писатель-сатирик, классик жанра сатиры и юмора вдруг даёт вовсе несоответствующие своему амплуа советы. Я сам когда-то, играя в любительском театре, читал со сцены зощенские «Баню» и «Аристократку» и не думал, что когда-нибудь смогу столкнуться в творчестве любимого писателя со столь серьёзными его размышлениями.

Восемь лет писал Михаил Зощенко свою «Повесть о разуме» (1935–1943), и она, по его же признанию, стала «его главной книгой». И неспроста первый вариант названия повести – «Перед восходом солнца». В ней писатель показал себя философом и психоаналитиком. Он анализирует собственные неврозы и тяжёлые сновидения, разбирается в причинах болезненного состояния великого Гоголя и бесстрашия Александра Матросова. И приходит к одной важной мысли, ради которой и взялся за перо.

Мысль эта, вывод, сделанный Михаилом Зощенко, в том, что человеку жить полноценной жизнью мешает... СТРАХ. Липкий, раздирающий душу страх перед лицом небытия. Страх, доводящий некоторых людей (парадокс!) до самоубийства.

В «Повести о разуме» размышлениям об отношении к смерти посвящена целая глава. И квинтэссенция её содержания в том, что необходимо приучить себя к мысли о смерти, свыкнуться с ней; тогда уйдёт страх, мешающий жить.

«Помятуйте, братия, о смертном часе!»... (Александр Сазанов, «Российский ритуально-духовный журнал «Реквием»).

Вот отрывок из нее. ...Отношение к смерти – это одна из величайших проблем, с какой непременно сталкивается человек в своей жизни. Однако эта проблема не только не разрешена (в литературе, в искусстве, в философии), но она даже мало продумана. Решение её представлено каждому человеку в отдельности. А ум человеческий слаб, пуглив. Он откладывает этот вопрос до последних дней, когда решать уже поздно. И тем более поздно бороться. Поздно сожалеть, что мысли о смерти застали врасплох. Один немецкий антифашистский писатель рассказал мне удивительный случай. Друг этого писателя попал в застенки. Его там пытали. Но он выдержал пытку. А когда он столкнулся с тем, что он должен был умереть – душа его дрогнула. Мысль о смерти впервые пришла к нему. Она застала его врасплох, когда он был слаб и измучен. Эта мысль так его устрасила, что он отказался от своей идеи, чтобы спасти свою шкуру. Из тюрьмы он прислал покаянное письмо, с отчаянием разъясняя, что с ним случилось.

Рассказывая об этом случае, писатель сказал мне:

– Я раньше думал, что вопросы смерти мы должны предоставить писателям старого мира. Нет, мы должны писать о смерти. Мы должны думать об этом вопросе не меньше, чем люди думают о любви.

Это, несомненно, так. И вы сейчас увидите – почему.

Почти все мемуаристы, говоря о Гоголе, отметили в нём страх смерти.

А П. Анненков пишет, что «лицезрение смерти ему было невыносимо».

Гоголь не был, конечно, здоров, но он всё же был в удовлетворительном ещё состоянии, когда однажды он близко столкнулся со смертью. Умерла сестра поэта Языкова, с которой Гоголь был дружен. Он был потрясён и поражён этой смертью. Сам факт смерти так на него подействовал, что это заметили все окружающие.

Доктор Тарасенков пишет: «Смерть её не столько поразила мужа и родных, как поразила Гоголя... Он, может быть, впервые здесь видел смерть лицом к лицу...»

Видимо, это замечание современник Гоголя было правильным. Нет сомнения, Гоголь видел смерть, но здесь он, быть может, впервые по-настоящему задумался о ней. И тогда, как он сам признался своему духовнику, на него «напал страх смерти».

Уже на первой панихиде, глядя в лицо умершей, он (по словам А. С. Хомякова) сказал: «Всё для меня кончено...»

И действительно, с этого дня Гоголь был в постоянном расстройстве. И, вероятно, думая о смерти и о прожитой жизни, он однажды сказал: «Всё чушь, всё ерунда...»

Он заболел. По словам П. А. Кулиша, он заболел «той самой болезнью, от которой умер отец его, – именно на него нашёл страх смерти...»

Через несколько недель Гоголь умер. Мы описывали его конец. Это была смерть без борьбы, это была безропотная смерть, стремление к смерти. Страх присутствовал в чувствах. Он ускорял и приближал развязку. Он действовал в той губительной степени, какая была замечена окружающими.

Но ведь подобный страх испытывал не один только Гоголь. Его испытывают многие люди, большинство. Об этом страхе и даже ужасе перед фактом смерти нам подробно сообщают – история, мемуары, письма.

Потёмкин – фаворит Екатерины – буквально «выл от страха смерти». Современники писали о нём: «Малодушный страх и ужас смерти обуял его, он стал хандрить и тосковать».

Императрица Елизавета Петровна «ужаснулась смертью» и даже стала пить, чтоб рассеять страшные мысли об этом.

Царь Михаил Фёдорович, задумавшись о конце, «впал в неподвижность» и умер «от многого сиденья, холодного питья и меланхолии, сиречь – кручины».

Смерть ужасала людей. И люди высокого таланта не в меньшей степени поддавались этому страху.

Сестра композитора Глинки пишет: «Он так боялся смерти, что до смешного ограждал себя от всяких малостей...»

Тоска раздирала Мопассана, когда он писал: «Что бы мне не делали, всё равно придётся умирать. Во что бы мы ни верили, к чему бы ни стремились, мы всё-таки должны умереть. Чувствуешь себя раздавленным тяжестью сознания...»

Л. Н. Толстой, ужасаясь, писал: «сорок лет работы, муки и успехов для того, чтоб понять, что ничто не существует, и от меня останутся только гниль да черви...»

Толстой впоследствии изменил своё отношение к смерти, и эта запись его нам тем более интересна, хотя бы для сравнения, которое мы сделаем ниже.

Устрашённый смертью Блок писал, желая, должно быть, скорей увидеть финал:

«Когда ж конец? Назойливые звуки
Не станет сил без отдыха внимать.
Как страшно всё! Как дико!
– Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять...»

Итак, мы видим, что страх в непомерной степени присутствует при столкновении со смертью, даже при мысли о ней.

Причём мы видим, что этот страх обескураживает людей, делает их покорными, робкими, беспомощными. Он обезоруживает и делает их ещё более податливыми смерти.

Как сказано у Шекспира:

«...Страх смерть влечёт,
Но смерти мы покорные рабы,

От страха ей отдавшись
без борьбы...»

Это есть точные и верные слова. Страх лишает возможности бороться. Он ускоряет гибель. Быстрей, стремительней ведёт к концу.

Заставая же нас врасплох или в болезненном состоянии, страх тем более беспощаден. Именно он более, чем что другое, «влечёт нас к смерти».

Это отлично знают люди, которые были на войне. Я помню в ту войну солдаты, усмехаясь, говорили: «Пуля найдёт труса». И это, в самом деле, так. Ибо уstraшённый человек поступает неразумно, бестолково. Он тычется, как слепой, без учёта обстановки. Страх парализует его, лишает гибкости, сопротивления. Такой человек делается физически слабым, беспомощным, суевливым. И тогда пуля скорей находит его.

И это в одинаковой мере относится и к условиям обычной мирной жизни. Уstraшённые, трусливые люди погибают скорей. Страх лишает их возможности руководить собой.

Значит, и в этих случаях, так сказать — «в норме», разум должен прийти на помощь. Он должен уничтожить страх.

Да, но как это делается? Легко сказать: не надо бояться смерти. Извольте уговорить человека, что смерть не так страшна. Не поверит. Поднимет на смех. И будет, пожалуй, ещё больше страшиться своего конца.

Какой же путь находит разум для того, чтобы уничтожить страх, для того, чтобы не страшиться смерти? А он находит его. Мы убеждаемся в этом на многочисленных примерах абсолютного бесстрашия, удивительного мужества и на тех примерах, которые говорят нам о презрительном отношении к смерти, пренебрежении к ней.

Здесь нет нужды вспоминать прошлое. Мы видим это на многих примерах наших дней.

Можно вспомнить хотя бы комсомольца Александра Матросова, который своим телом прикрыл вражеский пулемёт. Он сделал это сознательно. Он пренебрёг собой. Страх перед смертью исчез, когда возникло желание помочь товарищам, спасти их, добиться победы.

Один офицер Красной Армии рассказал мне не менее поразительный случай.

В землянке, в блиндаже, находилось двенадцать офицеров и два телефониста. Один из офицеров случайно выронил на пол ручную гранату. Граната зашипела. Страшная его небрежность могла погубить его товарищей. Дверь землянки была закрыта. И не имелось возможности тотчас выбросить эту гранату.

Как поступил этот советский офицер? Только несколько секунд оставалось ему для размышления. Он упал на эту гранату. Прикрыл её своим животом. И она, взорвавшись, буквально уничтожила этого офицера. Причём ни один человек в землянке больше не пострадал. Весь удар и всё осколки офицер принял на себя.

Он спас товарищей. Страх перед смертью был ничтожен в сравнении с тем чувством, которое было в сердце этого замечательного человека.

Нет сомнения, таких фактов можно найти немало из истории прошлого и из истории наших дней.

Эти факты говорят о том, что разум, идеи и высокие чувства нередко побеждают страх.

Но ведь мы, говоря о страхе смерти, имели главным образом в виду не исключительные случаи, не те случаи, когда смерть была необходимой для достижения высокой цели. Мы имели в виду не героическую смерть, а смерть обычную, так сказать, повседневную.

Среди случаев этой обычной смерти мы хотели узнать, как поступал разум этих людей для того, чтобы уничтожить страх.

Такие примеры бесстрашного и мужественного отношения к смерти мы находим в большом количестве.

Ломоносов писал перед смертью: «Я не тужу о смерти: прожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют...»

Своему другу по Академии (Штелину) он сказал: «Я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалею только, что не мог я совершить всё то, что предпринял для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии».

Мужественно и просто умирал Суворов. Уже на смертном ложе он, улыбнувшись, спросил Державина, какую эпитафию тот напишет на его могиле.

Наполеоновский министр, знаменитый Талейран, один из умнейших (как мне кажется) людей, писал: «Я понемногу слабею и знаю, как всё это может кончиться. Я этим не огорчаюсь и не боюсь этого. Моё дело кончено. Я насадил деревья, я выстроил дом, я наделал много и других глупостей. Не время ли кончить?»

Л. Н. Толстой (по словам Гусева) сказал: «Почти чувствую возможность радостно умереть».

Репин за несколько месяцев до смерти писал (К. И. Чуковскому): «Пожалуйста, не думайте, что я в дурном настроении по случаю наступающей смерти. Напротив я весел... Прежде всего, я не бросил искусства. Все мои последние мысли о нём... Больше полугода я работаю над картиной «Гопак». Такая досада: не удастся кончить...»

Далее Репин пишет: «В моём саду никаких реформ. Скоро буду копать могилу. Жаль, собственноручно не могу, не хватит моих ничтожных сил, да и не знаю, разрешат ли...»

Таких примеров спокойного и даже деловитого отношения к смерти можно привести немало.

Однако как же поступали эти люди, чтобы уничтожить страх? Что для этого они делали? Как они добились бесстрашия?

Одна история, с которой я когда-то столкнулся, подсказала мне решение этого вопроса.

Много лет назад, возвращаясь с охоты, я зашёл в крестьянскую избу. Я зашёл, чтобы выпить кружку молока.

В сенях я увидел крест. Обычный берёзовый крест, который устанавливается на могилах. Видимо, кто-то умер в этой избе. И вот приготовлен крест для покойника.

Я, было, хотел уйти, считая, что я зашёл сюда не ко времени. Но вдруг открылась дверь избы, и какой-то человек, весьма немолодой, босой и в розовых портах, предложил мне войти в дом.

Выпив кружку молока, я спросил хозяина, кто именно здесь умер и где покойник.

Хозяин, усмехнувшись в бороду, сказал: – Никто не умирал. И нет покойника. Что касается креста, то это я для себя приготовил.

Вид у хозяина был далеко не предсмертный. Глаза его светились весело. Походка была твёрдая. И даже на пухлых щеках его играл румянец.

Посмеявшись, я спросил, зачем понадобилось ему такая торопливость.

Снова усмехнувшись, хозяин ответил: – Так. Был исключительный момент. Но потом миновал.

Когда, попрощавшись, я снова вышел в сени, хозяин, похлопав ладонью по кресту, сказал:

– А знаешь, милый человек, когда сей крест мною приготовлен? Семнадцать лет назад.

– Тогда хворал, что ли? – Зачем хворал. Маленько испужался смерти. И сделал себе крест в напоминание. И можете себе представить – привык к нему.

– И страха теперь нет? – И страха нет. И смерти нет. В другой раз интересуюсь умереть – нет, не идёт, проклятая. В свою очередь, должно быть, испужалась моего характера...

И вот, вспоминая эту историю, я с точностью понял, в чём заключается борьба этого человека со своим страхом. Она заключалась в привычке. В привычке относиться к смерти,

как к чему-то обычному, естественному, обязательному. Мысль о смерти перестала быть случайной, неожиданной. Привычка к этой мысли уничтожила страх.

Мы говорили о том, как Гоголя ужаснула смерть. Окружающие увидели эту реакцию. По словам В. С. Аксаковой, окружающие, желая переменить строй мыслей Гоголя, заговорили «о возможности с малых лет воспитать так ребёнка, чтобы смерть не была для него нечаянностью».

Вот это отсутствие «нечаянности» – вот это и есть основной мотив борьбы со страхом.

Нет сомнения, люди, столь спокойно относящиеся к смерти, заблаговременно о ней думали. Мысль о ней не явилась для них неожиданной.

Они видели в смерти естественное событие, закономерность всё время обновляющейся жизни. Они привыкли думать о ней, как об обычном конце. И поэтому умирали так, как должен умирать человек, – без растерянности, без паники, с деловым спокойствием. И это придавало их жизни какую-то величавость, даже торжественность.

Такое разумное отношение к смерти, быть может, даже удлиняло жизнь этих людей, ибо в их жизни отсутствовал основной противник – животный, не всегда осознанный страх.

Привычка думать о смерти, как о чём-то обычном, естественном, уничтожает страх. Однако эта привычка может создать некоторые даже крайности, пожалуй, ненужные в этом деле.

Мы находим примеры слишком уж спокойного и даже отчасти любовного, нежного отношения к смерти. Это уж, я бы сказал, совершенно ни к чему.

Случаи такого крайнего отношения не лишены, впрочем, комичности и хотя бы по этой причине допустимы в человеческой жизни.

Известный библиотекарь Эрмитажа конца XVIII века И. Ф. Лужков, по словам современников, с необыкновенной любовью и рвением относился ко всяким похоронным делам. Почти ежедневно он присутствовал на отпевании совершенно незнакомых ему покойников. Он бесплатно рыл могилы для бедных. До страсти любил писать эпитафии. И проводил на кладбище иной раз целые дни.

Не довольствуясь этим, он построил себе домик рядом с охтинским кладбищем. И окна его домика выходили на кладбище, как иной раз выходят в сад.

Лужкову принадлежит нижеследующая эпитафия, высеченная на плите одного его родственника:

«Паша, где ты? – Здеся. – А Ваня? – Подалее немного.

А Катя? – Осталась в суетах». Вот это отношение к жизни, как к какой-то напрасной суете, – вот это и есть та крайняя степень, какая весьма характерна для людей, слишком привыкших к мыслям о смерти. Должно быть, и в этом деле требуется некоторая осторожность и разумная мера.

Так или иначе, и сквозь эти крайности видна некая разумность в отношении к смерти – привычка относиться к ней, как к закономерному естественному концу»...

Михаил Зощенко, Повесть о разуме. «Советская Россия». Москва, 1976

Смерть – последняя станция или проходная?

Неизбежный вопрос. Кому он не известен: есть ли загробная жизнь, или со смертью всему конец? Это первоначальный вопрос человечества. Поэтому этот вопрос стоит перед каждым лично: перед тобою и передо мною. Справедливо пишет лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын в своем романе «Раковый корпус»: «Пусть каждый человек принадлежит коллективу, но умереть он должен один».

Этот вопрос стоит лично перед каждым, в особенности, когда нас мучит бессонница, и мысли роем лезут в голову. Или когда наша бурная жизнь приостановится на какое-то время через неожиданную смерть близкого нам человека. Этот вопрос сверлит наш мозг: смерть – последняя станция в нашей жизни, или она только проходная в другую жизнь, в конце концов, даже к Страшному суду, где от меня потребуют отчета за всю мою жизнь? Не является ли смерть только проходной в вечность?

«О, разгадайте мне загадку
Мучительную, вековую загадку.
Скажите мне: что значит человек?
Откуда он пришел? Куда он идет?»

Так спрашивает Генрих Гейне. Так спрашиваем ты и я. Мы должны так спрашивать, иначе мы и не можем. Потому что этот вопрос коренится в глубине нашего существа. У человека есть подсознание, это значит сознание глубокой скрытности всего того, что мы переживаем.

Вопрос о том, существует ли жизнь после смерти, не только неизбежный вопрос, но и чаще всего задаваемый вопрос. Это подтверждено статистическим исследованием. Результат этого исследования особенно показателен, потому что современный человек в большинстве случаев считается человеком, сформированным естественными науками. Научный образ мышления служит для многих поводом понимать человека ограниченно, а именно – только биологически, физически. Нам твердят все снова и снова: человек наших дней не спрашивает о загробной жизни. Но мы должны принять во внимание следующее: римско-католическая церковь в Западной Германии раздала опросный лист среди своих прихожан. Четыре с половиной миллиона заполнили этот лист и возвратили. Среди ответивших были не только верные церкви прихожане, но и равнодушные. Большинство опрошенных назвали самой главной проблемой нашего времени вопрос о загробной жизни. На втором месте стоял вопрос: как может христианин или вообще современный человек преобразовать общество и взаимоотношения между людьми?

Поразительно также и следующее: однажды я выступал перед большим собранием молодежи. В моей проповеди я коснулся вопроса смерти и вечности. После собрания подошел ко мне один человек и сказал: «Перед молодежью не затрагивайте таких вопросов; молодое поколение уже в силу их юности не заинтересовано такими вопросами». Я бы охотно принял этот совет, если бы я в скорости после этого случая не убедился в противоположном. Дело обстояло так: организаторы недели Евангелия для молодежи хотели знать, какая тема больше всего интересует молодых людей? Был составлен список с двадцатью темами. Потом этот список был роздан 4000 молодым людям с просьбой выбрать три темы и пронумеровать те из них, которые кажутся им важными. При этом опросе на первом месте стояла тема: «Существует ли загробная жизнь». На значительной дистанции, на втором месте, стоял вопрос о любви между мужчиной и женщиной. За благонамеренным советом, данным мне, скрывалась неправильная оценка молодого поколения. Поэтому я имею доброе основание

также перед молодым поколением говорить о смерти и вечности и не рассматривать этот вопрос как монополию старшего поколения.

Верность этого утверждения я хочу доказать с разных точек зрения. Я хочу это доказательство вести не теоретически, но практически. Прежде всего, с точки зрения старости.

С разрешения дамы, о которой пойдет речь, я могу процитировать некоторые мысли из ее письма, которое она написала известному проповеднику. Этой даме было 88 лет. Между прочим, она пишет: «Уважаемый господин доктор!.. Я тоже часто думаю о смерти и вечности – и мне неприятны эти мысли. Я стараюсь избегать всего, что только напоминает о смерти; не смотрю на покойников, избегаю присутствовать на похоронах и избегаю всего, что имеет какое-то отношение к смерти. Вы, господин доктор, пишете, что жизнь не кончается со смертью. Как это может быть?.. Я часто остаюсь наедине, и печаль одолевает меня, потому что я не знаю, что будет со мною дальше... и что я должна умереть у чужих людей. Видите, господин доктор, опять эта ужасная мысль».

Я далек от того, чтобы брать на себя роль религиозного судьи. Один только Бог знает наши сердца. Все же я вынужден сказать: эта дама, несмотря на ее 88 лет, находится в бегстве от смерти и омрачена глубоким сомнением относительно загробной жизни. Из всего ее письма не заметно, чтобы Иисус Христос играл для нее какую-то роль в виду смерти и вечности.

Совсем иначе было с моей матерью. Когда моей матери, также как и той даме, исполнилось 88 лет, то в беседе она сказала откровенно о приближающейся смерти: «Я готова, если Господь позовет меня». У моей матери на первом месте стояла не смерть, но Господь Иисус Христос, Который есть Господь над смертью и жизнью. И когда ей исполнилось 90 лет, то она однажды сказала мне: «С каждым днем я все больше готова к встрече с моим Господом». Также и в этом выражении речь идет собственно не об отношении к смерти, но об отношении к Тому, Кто победил смерть.

Кто возразит, что эти дамы в таком возрасте имеют полное право интересоваться смертью, тот может сопоставить двух человек среднего возраста. «Я не хочу думать о смерти, если я думаю о ней, то прихожу в отчаяние» – так сказал недавно по немецкому телевидению известный французский режиссер и артист. Я прямо говорю: кто думает о смерти и знает об Иисусе Христе, как Победителе над смертью, тот не должен бояться смерти и тем более отчаиваться при мысли о смерти.

Известный мученик Дитер Бонхефер является примером непоколебимой веры. Когда его казнили в 39-летнем возрасте в Флоссенбурге, его последними словами к заключенному сотоварищу были: «Это конец, но он и начало жизни». Невольно напрашивается вопрос: как мы относимся к этим свидетельствам? Какие последствия извлекаем мы лично для себя? Ты и я – мы не можем уклониться от этого вопроса, если мы мысленно представим превосходство истинных христиан в этом вопросе. Этим я хочу сказать: Иисус Христос дает верующим превосходство над неверующими не только в наши дни, но так было и в прошлом. И для этого я должен привести вам пример. Я не беру какую-либо личность, но я ссылаюсь на одного человека, который, как философ, основательно занимался проблемой смерти и загробной жизни. Этим человеком был француз Вольтер. Он был насмешником над христианством, был рационалистом. Тем более имеет большое значение его последняя исповедь: «Я не нашел удовлетворяющего меня ответа. Я не разыгрываю из себя незнающего – я и есть незнающий».

Мы знаем от очевидцев о его тяжелом конце. Говорят, что Вольтер сказал стоящим вокруг него: «Вы виноваты, что я в таком состоянии». Не примите это, пожалуйста, за преувеличение, но как достоверное свидетельство очевидцев, которые ручаются, что Вольтер сказал на смертном одре: «Я чувствую руку, которая берет меня и ведет на суд Божий». Высказывания Вольтера были письменно зафиксированы. Поэтому у меня нет никакого

основания сомневаться в том, что он даже сказал: «Я вижу ад». Мне кажется, что мы слишком упрощаем, приписывая все это бреду в горячке. Нет, Вольтер был в ясном сознании.

Какой непохожей была смерть известного американского евангелиста Д. Муди. Уже перед смертью он выразил желание: «Когда я умру, то я прошу вас: не печатайте открытки соболезнования с черным рантом, но с золотым, потому что я иду в город с золотыми улицами». Когда неожиданно приблизился его последний день, вдруг он сказал: «Земля отступает назад, небо открывается». Потом он определенно добавил: «Нет, это не сон! О, как прекрасно! Здесь не долина тени смертной! Бог зовет меня, и я должен идти!»

Какая разительная разница со смертью Вольтера, когда Муди говорит в день своей смерти: «Сегодня день моей коронации! Теперь я иду к торжеству. Этого дня я давно ожидал». Определенно подчеркивается, что он был при полном сознании.

Разницу в смерти верующего и неверующего или равнодушного можно показать на многих таких примерах, так что этого нельзя отрицать. Какое превосходство христианина в отношении к смерти выражено в следующем факте. Основатель богадельни «Вифлеем» старец Фридрих фон Бодельшвинг был уже у порога вечности, когда он в последний раз посетил своего 90 летнего друга, пастора Куло. На второй день пастор Куло отошел в вечность. Бодельшвинг приветствовал его такими словами: «Дорогой брат, какие мы счастливые люди, что мы уже так близко у дверей вечности!» Сын Бодельшвинга сообщает: «И потом они запели стих из духовного гимна:

«День дню говорит:
жизнь моя – жизнь странника в вечность.
О, вечность прекрасная, —
Мое сердце привязано к тебе,
Моя родина не здесь».

Но все же, может быть, вы возразите. Конечно, между этими свидетельствами большой контраст. Надо также согласиться, что с верою в Иисуса Христа безусловно легче умирать. Но два вопроса остаются без ответа:

1. Существует ли загробная жизнь?
2. Облегчение в смерти через веру в Иисуса Христа не покоится ли все же на благочестивом самовнушении?

Коснемся коротко этих вопросов. Существует ли действительно загробная жизнь?

На этот вопрос можно ответить с разных точек зрения. В 1973 году я проповедовал в Индии. Я имел со многими индусами контакт. Я могу заверить вас: я не встретил ни одного индуса, который не верил бы в жизнь после смерти. В какой форме – это не главный вопрос. Решающим здесь является факт как таковой. В 1974 году мне довелось быть два раза в Южной Америке и там проповедовать. Также и там я имел контакты со многими людьми, в том числе с индейцами, которых мы посетили в их колонии. Конечно, среди многих миллионов найдутся и такие, которые являются материалистами и атеистами. Но это не изменяет факта, что подавляющее большинство было уверено в жизнь после смерти. Как в Индии, так же и в Южной Америке я не встретил ни одного, кто оспаривал бы эту истину. Невольно навязывается вопрос: неужели они все ошибались в своей первозданной уверенности, что есть жизнь после смерти? Также и у нас, в так называемом христианском Западе, на протяжении 1700 лет была всеобщая вера всех христиан, что есть загробная жизнь. Только с пришествием философии материализма в разнообразных ее вариантах отвергается жизнь после смерти и утверждается окончательное и тотальное уничтожение человека смертью.

Но ныне мы замечаем, что стены материализма с его лозунгом: «Со смертью все кончается!» очень пошатнулись через все больше увеличивающееся развитие парапсихологии.

Под этим понимается научное и критическое исследование трансцендентных событий и явлений. Нельзя не задуматься над тем, что больше тридцати процентов людей свидетельствуют, что в их жизни бывали такие трансцендентные феномены в той или иной форме.

Я, с моей стороны, не имею дерзости отвергать эти свидетельства как воображение или даже как блеф. Наоборот, я знаю, что Священное Писание повествует о явлении мертвых. Например, явление мертвых в связи с воскресением Иисуса Христа из мертвых. Или вспомним о преображении Иисуса Христа, где явились Моисей и Илия (Мф. 27, 52–53; Мф. 17, 1–9).

Библия говорит об откровениях, о голосах, о воплощениях и т. д. Кто в этом отношении хочет освободить Библию от «мифов», т. е. хочет отвергнуть эти повествования как ложные и недействительные, тот этим самым доказывает, как мало он занимался этой областью. Я мог бы привести много доказательств влияния невидимой реальности на видимую реальность. Из этой полноты я привожу только два мало известных факта.

Август Виниг, губернатор Восточной Пруссии, приобрел известность через свои популярные книги. Он рассказывает следующее. Однажды он проповедовал в городе Штутгарте. Когда он был уже в гостинице и лежал в постели, вдруг ему явилась неожиданно его умершая мать в телесном образе, в каком он сохранил ее в памяти. Когда он хотел коснуться ее, то милый ему образ неожиданно исчез. Хотя я в этом не сомневаюсь, но следующее явление из загробного мира было еще убедительнее, потому что две личности независимо друг от друга пережили это.

Бюртембергский священник И. ехал на дрожках в долину Ремсталь. Рядом с ним сидел кучер, крестьянин Н. Подъехав к возвышенности, они оба слезли, чтобы облегчить лошадей. Священник шел в нескольких метрах позади дрожек. Он рассказывает: «Вдруг рядом со мною появился человек, которого я хорошо знал, потому что он был из моей деревни. Он снял шапку и говорит:

– Добрый вечер, пастор! Я пришел сказать вам, что вы должны скоро вернуться домой. В пятницу вам предстоят похороны. В лесу случился несчастный случай. При рубке леса погиб один человек.

Это был крестьянин В. Я спросил его: – Вы ради этого пришли сюда? Но ответа я на этот вопрос не получил. Он вдруг исчез.

Когда мы на второй день достигли нашей цели, то там ожидала меня телеграмма от моей жены, в которой она сообщала, что крестьянин В. трагически погиб при рубке леса».

Это рассказ пастора. Из этого следует, что крестьянин В., который беседовал по дороге с пастором, был тем самым трагически погибшим. Оба, пастор и кучер, знали его и опознали его. Эти явления ничего общего не имеют со спиритизмом, но эти явления усугубляют факт, что есть загробная жизнь. Здесь речь не идет о доказательстве того, что есть другая, потусторонняя действительность, но здесь речь о том, что Библия в этих вопросах заслуживает нашего полного доверия.

доктор философии Герхард Бергман,
«Вера и жизнь», № 4, 1981

Правда о смерти

Один пожилой человек гулял по улицам своего родного города Флоренции (Италия). Ему встретился счастливый молодой человек. Его радость отражалась в каждом движении. Старец спросил его о причине ликования. Юноша объяснил, что он закончил обучение в университете и получил диплом. «Это были трудные годы, но сейчас начнется новая жизнь».

«Очень хорошо, – а что дальше?» Парень ответил, что как раз сейчас он идет к ведущему адвокату города, потому что у него начнется его карьера. «Очень хорошо, – кивнул головой старик, – а что дальше?» – «Потом я намерен приобрести славу, богатство, сделать себе имя во Флоренции». – «Надеюсь, так оно и будет, – согласился старик, – а что потом?» – «Потом? Наверное то, что и со всеми. Жизнь придет к концу». – «Действительно так. А что дальше?» На этот вопрос ответа не нашлось, и каждый пошел своей дорогой. Но юношу этот вопрос не оставлял в покое: а что дальше? Что будет, когда я умру?

Те, кто только начинает жизнь, не думают о конце. Но кто уже прожил три-четыре десятка лет, начинают осознавать, как быстро уходят годы.

«Ты дал мне дни, как пяди, – обращается к Богу Давид (пядь – расстояние между концами растянутых пальцев: большого и указательного – всего-то!), и век мой как ничто пред Тобою» (Пс. 38, 4–5).

Жизнь кратковременна, даже если человек достигает старости. Моисей, проживший 120 лет, жалуется: «Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «Возвратитесь, сыны человеческие!» Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты как наводнением уносишь их; они – как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает; ибо мы исчезаем от гнева Твоего и от ярости Твоей мы в смятении... Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы теряем лета наши, как звук. Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89).

А что же дальше? Есть ли жизнь после жизни? И какая?

Лев Николаевич Толстой пишет, что, не находя ответа на вопросы жизни и смерти человек решает проблему, во-первых, не думая об этом. Это выход неведения. Не знать, не понимать, не думать, не говорить о смерти, о смысле жизни.

Другие идут путем наслаждения. Это выход эпикурейства. Зная безнадежность жизни, они пользуются ее благами, насколько это возможно. Их лозунг: «Будем есть, пить и веселиться, потому что завтра, может быть, умрешь». Такие люди хотят заставить себя и других поверить в то, что они смерти совсем не боятся.

Греческий историк Геродот рассказывает об одном интересном египетском обычае. На собраниях богатых египтян после окончания пира слуга часто проносил среди гостей гроб, в котором находилось изображение трупа, вырезанное из дерева и раскрашенное таким образом, чтобы как можно более походить на мертвеца. Слуга, раскрывая гроб, показывал это изображение каждому из гостей и говорил: «Загляните сюда! А теперь пейте и веселитесь, ибо такими вы будете, когда умрете».

Третье решение – выход силы и энергии. Поняв, что жизнь – зло и бессмыслица, уничтожить ее. Молодые люди, которые, собственно, еще и не жили, говорят, что уже устали от жизни и уходят от нас через самоубийство.

И еще одно решение – выход слабости. Всё понимая и сознавая, тянуть лямку. Мучиться до конца.

Все это так непохоже на радостное ожидание верующими встречи с Богом, о чем так много говорит Библия. Верующий надеется на Бога в этой жизни, но этим надежда не огра-

ничена землей. Она выходит за пределы этого мира, за пределы смерти. Есть жизнь после жизни.

Что на самом деле происходит после смерти? Может быть, я впадаю в сон и затем возвращаюсь в какой-то другой форме, то есть перевоплощаюсь? А где продолжается мое существование: на небе или в аду? Что человек делает между смертью и воскресением? Что переживает? Каково его состояние?

Наверное, многим из нас приходилось размышлять об этом, когда кто-то из наших близких испытывал тяжелую утрату. Дети могут спрашивать: «А где бабушка? А что она сейчас делает? А она встретилась с дедушкой? Она видит нас? Знает, о чем мы говорим?»

Если бы человек состоял из одной только материи, такие вопросы были бы излишними. В момент смерти, когда формировавшая его материя утратила бы прежнюю структуру, личность бы исчезла. Но человек – существо духовное. Его жизнь продолжается.

Традиционная точка зрения заключается в том, что часть человека переживает смерть. Нематериальная душа продолжает жить, пребывая в сознательном личном состоянии. Тело в это время разлагается. При Втором пришествии Христа произойдет воскресение обновленного или преобразованного тела, которое воссоединится с душой.

Библия говорит: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор. 5, 1–4).

«Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою» (1 Кор. 15, 53–54).

Что же делает человек (или его нематериальная сущность) до времени воскресения? Или что он делает сразу после смерти?

Есть несколько теорий, которые пытаются дать ответы на эти вопросы, объяснить, что делает душа после смерти. Вероятно, вы слышали о чистилище. Согласно учению о чистилище умершие в состоянии греховности попадают сразу в ад, где немедленно осознают, что окончательно и безвозвратно погибли. Люди, чистые в момент смерти, немедленно попадают прямо на небо. А те, кто не достиг совершенства, кто не искупил свои прегрешения, и, с другой стороны, не заслуживает ада, попадают в чистилище. Там душа очищается через страдание и потом восходит в небо.

В Библии очень трудно найти поддержку этой доктрине. Слово «чистилище» ни разу не упоминается в ней. Если Бог простил нас, очистил, нет нужды думать о каком-то посмертном очищении.

Согласно учению о мытарствах душа в течение первых двух дней наслаждается свободой и посещает дорогие ей места на земле, а потом перемещается в иные сферы, проходит через легионы злых духов, которые обвиняют ее в различных грехах (на каждом из мытарств истязуется тот или иной грех). Пройдя через мытарства, душа 37 дней посещает небесные обители и адские бездны, еще не зная, где она останется, а на сороковой день ей назначается место до воскресения мертвых, а до этого еще возможно изменение в состоянии душ, благодаря поминовению, молитвам.

Третью теорию можно назвать «сном души». Душа, согласно этой теории, в период между смертью и воскресением пребывает в бессознательном состоянии. Или же происходит своего рода угасание души. Человек просто прекращает свое существование до времени воскресения всех людей. Стихи из Библии, говорящие о смерти как о сне, казалось бы, поддерживают этот взгляд (Библия часто использует образ сна для смерти).

Священное Писание, однако, несколько раз говорит о личном, сознательном существовании в период между смертью и воскресением. Можно прочесть притчу Христа о богаче и Лазаре (Лк. 16, 19–31) или обещании разбойнику на кресте (Лк. 23, 43).

Если смерть и уподобляется сну, то это не буквальное описание состояния мертвых, а метафора (сравнение по внешнему сходству – умерший напоминает спящего; он так же освободился от трудов; он также будет воскрешен, как и спящий пробуждается). Причем мы описываем состояние (внешний вид) тела, но то, что составляет основу самосознания, нематериальная сущность человека продолжает жить. Может быть, при этом человек еще не принимает участия в жизнедеятельности нового мира, к которому теперь принадлежит.

Он, если мы говорим о верующих, отдыхает от земных тягот, трудов, скорби, боли и особенно греха. Он видит Христа во славе, слышит хвалебные гимны, радуется, разделяет с Господом Его славу. Апостол Павел существование после смерти приравнивает к пребыванию с Господом (2 Кор. 5, 1–10; Флп. 1, 19–26). Таким образом, мы думаем, что после смерти верующие немедленно попадают в место и состояние блаженства, неверующие – в место, где они переживают страдания, муки и наказание. Может быть, после всеобщего воскресения и суда что-то изменится в интенсивности переживаний верующих и неверующих, но, в сущности, положение не изменится.

Еще раз хочу повторить: о смерти и состоянии после нее мы знаем немного. Библия уделяет особое внимание другой теме – примирению с Богом. Жизнь так коротка, и надо успеть решить вопрос, определяющий наше вечное состояние. После смерти уже ничего изменить в своей вечной участи нельзя. Сегодня мы принимаем решения, которые определяют нашу будущность. Сегодня мы можем перейти в жизнь.

Ф. Достоевский описывает размышления осужденного к смерти преступника: «Если бы пришлось жить на высоте, на скале, на узенькой площадке, где только две ноги можно поставить, а кругом – мрак, пропасть, океан, вечное уединение и вечная буря – и оставаться там 1000 лет, вечность, то лучше так жить, чем сейчас умереть. Как бы ни жить, – только бы жить».

Библия говорит: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Когда мы приходим к Богу, когда каемся в грехах своих, когда верою принимаем Иисуса Христа, Он дает нам жизнь, жизнь, которая будет длиться вечно.

Один из индейских вождей Северной Америки, когда ему рассказали о Христе, ответил: «Иисусова тропа, может быть, и хороша, но я шел всю жизнь нашей древней индейской тропой, и останусь на ней до конца». Годом позже, умирая, человек этот тщетно пытался найти какое-нибудь утешение для своей души. И, наконец, не выдержав ужасной борьбы, в полном отчаянии, он призвал к себе того же проповедника и едва слышно спросил: «Могу ли я еще и теперь перейти на Иисусову тропу? Моя собственная тропа здесь обрывается и нет у нее выхода на ту сторону смертной долины».

Атеист Бертран Рассел сказал: «Вокруг тьма, а когда умру – тьма будет и внутри. Нет красоты, нет свободы, только ничтожество, нет ничего».

Все это так непохоже на радостное ожидание верующими встречи с Богом, о чем говорит Библия. Верующий надеется на Бога в этой жизни, но этим надежда не ограничена. Она выходит за пределы этого мира, за пределы смерти. Есть жизнь после жизни. Те, кто с Богом, имеют жизнь вечную. Смерть побеждена и подчинена Богу. Смерть служит Божьим планам и не может разделить нас с Ним. «Верующий в Иисуса имеет жизнь».

Реальность смерти

Есть интересная статистика. Из ста человек все сто умирают... Действительно, неизбежность смерти – неоспоримый факт для каждого человека.

Кто-то хорошо сказал: «Смерть – единственное, что мы определенно знаем о жизни. Фактически все человечество сидит в камере смертников».

Смерть – не самое радостное событие. Поэтому во многих культурах есть разные способы избежать даже мыслей о смерти, разговоров о ней. (Хотя всегда были и есть люди, сознательно стремящиеся к смерти, желающие умереть по разным причинам: религиозным, одиночества, безысходности, но это, скорее, исключения). На Западе развито искусство косметического бальзамирования, ставящее целью скрыть лик смерти. Кладбища называют мягче: места успокоения или мемориальные парки. Об умирающем говорят, что он «испускает дух», «покидает нас», но суть дела от этого не меняется.

Рассказывают, что датский сказочник Ганс Христиан Андерсен очень боялся опасности потерять сознание и быть похороненным заживо. Когда он ложился спать, то на столике клал записку, гласящую: «Я только кажусь мертвым». На случай обморока он носил в кармане бумажку, в которой просил отвезти его в больницу, а не в морг. Однако и он действительно умер.

Смерть так же действует и в нас. Это не что-то необычное, неожиданное, случайное. Это просто конец процесса упадка и разрушения наших смертных тел. Мы растем, достигаем физической зрелости, а потом начинается разложение. Зубы выпадают. Зрение слабеет. Кожа покрывается морщинами. Силы мало-помалу покидают нас, и организм уже не может функционировать.

Природа смерти

Что же такое смерть? Есть медицинские определения смерти, но нас больше интересует Библейское. В различных местах Библии много говорится о прекращении жизни физического тела. Иисус, например, противопоставляет смерть тела смерти души: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28). В книге Екклесиаста о смерти говорится как о разделении тела и души (или духа): «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12, 7).

Итак, смерть, прежде всего, прекращение жизни в ее телесной форме. Но не конец существования. Согласно Библии, жизнь и смерть – это просто разные формы существования. Смерть – переход в иную форму существования, а не полное исчезновение.

Кроме физической смерти Библия говорит о смерти духовной и вечной. Физическая смерть – отделение души от тела; смерть духовная – отделение человека от Бога; вечная смерть – закрепление этого состояния. Человек навеки отделен от Бога. Смерть тела ничто в сравнении с этим отлучением от Источника жизни.

Духовная смерть это неспособность откликаться на духовное, потеря чувствительности к духовному. Апостол Павел говорит, что такими являемся все мы до уверования в Бога. Через Иисуса Христа Бог оживотворяет нас, мертвых по грехам и преступлениям нашим. Если человек духовно жив, он имеет вечную жизнь, и через физическую смерть переходит в самое близкое общение с Богом.

Смерть вечная, или как ее еще называет Библия вторая, не равнозначна физической смерти. В книге Откровения написано, что верующий даже не узнает второй (вечной) смерти. Она не имеет над ним власти (Откр. 20, 6).

Вторая смерть – нескончаемое отделение от Бога. Ей подвергаются те, кто оказался духовно мертвым в момент физической смерти.

Действие смерти

Поэтому для неверующего смерть – проклятие, наказание, враг. Хотя она и не ведет к исчезновению, к окончанию существования, она отсекает человека от Бога и от всякой возможности обрести вечную жизнь. Но для того, кто верует во Христа, смерть имеет другой характер. Верующий подвержен физической смерти, это так, но проклятие смерти исчезло. Христос взял его на себя, когда умер на кресте за наши грехи. Верующий переживает смерть, но не испытывает ее ужасного действия. Апостол Павел возгласил: «Смерть! Где твоё жало? Ад! Где твоё победа?» (1 Кор. 15, 54–57).

С точки зрения неверующего смерть ничего хорошего не несет. Более того, она отвратительна, безобразна, противна. А вот ап. Павел смотрел на смерть иначе. Для него это – побежденный враг. Смерть лишь исполняет волю Божию. Поэтому он считал смерть желанной. Ведь она приведет его в присутствие Господа. «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение... имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Фил. 1, 20 и 23), – смело заявлял он.

Когда одному из бывших президентов Америки Джиму Квинси-Адамсу исполнилось 80 лет, он встретил своего старого друга. Тот пожал дрожащую руку президента и сказал: «С добрым утром. Как сегодня поживает Джим Квинси?» «Сам-то Джим чувствует себя прекрасно, но хижина, в которой он временно находится, начинает разваливаться. Она шатается в своем основании. Время и внешние обстоятельства уже почти ее разрушили. Крыша прохудилась, и стены дрожат при каждом порыве ветра. Можно сказать, что обветшалое обиталище это становится все менее пригодным для жилья. Я думаю, что Джиму придется скоро из него выбраться. Но сам-то он чувствует себя прекрасно».

«Человекам положено однажды умереть». Приговор суров. Но в Библии мы находим и нечто другое. «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный».

Верующий знает, что смерть сокрушена, что она не ставит точку в его жизни. Суд над смертью уже состоялся, хотя и исполнение приговора относится к будущему. «Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле» (Ис. 25, 8). «От власти ада Я искуплю их, – говорит Господь, – и от смерти избавлю их». Апостол Иоанн открывает чудесное будущее верующих: «(Бог) будет обитать с ними... и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже» (Откр. 21, 3–4).

Но почему же вообще верующие умирают? Если смерть – это расплата за грех, то Бог мог бы избавить нас от ее действия, когда простил наши грехи. Ведь Он же избавляет нас от вечной смерти? Ведь Еноху и Илии, согласно Библии, не пришлось умирать. Они живыми были взяты к Богу.

Может быть, Бог хотел научить нас через это кое-чему, испытать нашу веру (а смерть требует от верующих усиления веры до необычайной степени). Или же Он просто сделал смерть необходимым условием существования, не имея для нее особой цели.

В любом случае, тот факт, что и верующие, и неверующие переживают смерть, нас не смущает. Мы различаем временные и вечные последствия греха. Вечные последствия греха уже не имеют над нами власти, но мы, как представители рода человеческого, переживаем временные, к которым и относится смерть. Так же мы переживаем рождение, взросление, страдания... Когда-то все последствия греха будут устранены, но не сейчас. Время еще не пришло. В настоящее время мы проходим через смерть вне зависимости от наших отношений с Богом. Но для верующего и неверующего ее значение разнится.

Христианин через смерть входит в общение с Богом. Но это не значит, что он должен искать смерти, стремиться к ней. Он прекрасно понимает, что смерть противоестественна и что его обязанность в том, чтобы ждать, пока Бог Сам освободит его от тела смерти и возьмет к себе. Он готов идти с Господом долиной смертной тени, зная, что даже смерть не может отделить его от любви Божией во Христе Иисусе. Божья любовь и милость продолжают сопровождать его. Там он встретит своих друзей, а после возвращения Христа душа объединится с новым духовным телом. Потому что проклятие смерти взял на Себя вместо верующего Христос. Поэтому и в Писании слова о смерти верующего звучат весьма утешительно: «Дорога в очах Господних смерть святых Его!» Ибо смерть – приобретение, переход к Богу.

Бенджамин Франклин написал для себя эпитафию, которая выгравирована на его могильном камне. «Тело Франклина как обложка старой книги, чьи листы вырваны и лишены всего, что на них было написано, – тиснения и позолоты, – лежит здесь пищей для червей. Но эта работа не пропадет, ибо она будет выпущена в свет в новом и более изящном издании, проверенная и исправленная Автором».

Когда мать Томаса Гексли, английского философа и эволюциониста умерла, он смог написать своей сестре лишь эти слова: «Моя дорогая, я не могу утешить тебя, потому что у меня нет слов утешения. Надо просто нести бремя, предназначенное судьбой».

Библия, напротив, несет утешение. Апостол Павел обращается к верующим:

«Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак утешайте друг друга сими словами» (1 Фес. 4, 13–18). Наша печаль – это не печаль людей, не имеющих надежды. Да, и верующие плачут. Это нормально. Мы так привыкаем к нашим близким, родственникам. Но это печаль другого рода. Это такая же печаль, которую мы испытываем при расставании. При этой печали у нас есть утешение: те, кто умер, с Богом. Мы встретимся с ними.

Подведем итоги нашей беседы. Смерть постигает всех, и верующих и неверующих. Но для верующих проклятие смерти устранено воскресением Христа. Смерть соединяет его с теми, кто ушел из этой жизни раньше. Смерть является продолжением жизни с Богом. Христос говорит: «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь... И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин. 5, 24 и 29). Вопрос в том, с Богом ли я сегодня? Верую ли я в Сына Его Иисуса Христа?

Да благословит нас Бог верить и иметь жизнь. Жизнь вечную. Жизнь с Ним.

Леонид Михович

Смерть и воскресение

Смерть прежде всего отвратительна. В ней есть стыд, срам, поношение и гнусь.

Бог смерти не сотворил, но Он попустил ее. Если Он в предрешенный Им срок посылает ангела смерти, то многие последствия смерти на земле это дело тех, о ком преподобный Серафим Саровский сказал, что они гнусны (бесы).

Приходилось видеть, как в больнице выносят из палаты умершего. Его заворачивают в простыню, чтобы ничего не торчало, и на лицах тех, кто выносит, случается, можно заметить саркастическую улыбку. Она не обидна, естественна; несут неприятную вещь, уже нечистую... Смерть – это, конечно, поругание.

Ужас и отвратительность смерти особенно чувствовал Бунин. В «Жизни Арсеньева» наличие в доме покойника, запах тления человеческого тела, будто все пронизывающий, описаны с особой силой. Уничтожающую силу смерти Бунин показал также в его знаменитом «Господине из Сан-Франциско». Ужасно прежде всего то, что человек, во всяком случае его тело, превращается в вещь, ненужную и такую, что вот-вот станет невыносимой, которую надо будет скорее зарыть, может быть, сжечь или, как это бывает на кораблях, привязав камень, бросить в море.

Священникам случается бывать в гостинице, где одинокий жилец, оказывается, скончался уже 4–5 дней тому назад. В комнате невозможно служить панихиду; надо стоять или в коридоре, или на лестнице, наполняя кадило наибольшим количеством ладана.

Страшно и то, что вместе с человеком мертвеют его вещи, костюм, платье, недопитый стакан воды, недописанная рукопись и, в особенности, ботинки, сапоги, которым уже некуда идти.

Некоторые скажут, что все здесь отмеченное – это следствие языческого отношения к жизни, к этой жизни; слишком большая привязанность к ней, как, например, у того же Бунина.

Отчасти это верно, но вполне ли? То, что поется в церкви при отпевании, острее всего сказанного. Вспомним слова св. Иоанна Дамаскина: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида», или дальше: «...Приидите, внуцы Адамовы, увидим на земли поверженного, по образу нашему все благолепие отлагающа, разрушена во гробе гноем, червями, тьмою иждиваема, землею покрываема».

Не естественно ли при этом постараться скрыть уродство смерти? Прихорашивание смерти еще больше подчеркивает ее безобразие. Во Франции похоронных дел мастера всегда прилично одеты, вежливы, манерны, подобны дипломатам, придворным... А в Америке, говорят, покойников отправляют в особые мастерские, где их гримируют под живого и приукрашивают. Затем возвращают домой, и собираются вокруг гроба близкие люди и гости, угощаются и будто даже пьют коктейль.

Но ужас смерти не только в телесном разложении, исчезновении. Гораздо мучительнее – это разлука. Правда, как недавно выразилась в одном прекрасном частном письме одна христианка, вся наша жизнь есть цепь разлучений и разлук. Но разлука при смерти, по крайней мере на первый взгляд, представляется окончательной, а за ней следует постепенно, почти еще более невыносимое, хотя и не остро переживаемое, забвение. Об этом в чине отпевания находим также пронзающие сердца слова: «Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему...», «Кое разлучение, о братие, кий плач, кое рыдание... целуйте бывшего во мале с нами... во тьму вселяется, с мертвыми погребается и всех сродников и друзей ныне разлучается».

Но мало и этого: перед лицом смерти становится ясным, что вся жизнь наша пронизана ею... Самое время есть постоянная смерть, и, как

отмечает, например, Н. О. Лосский: «Смерть человека есть только один из самых ярких примеров постоянной смертности...» Ведь все уходит в прошлое. Об этом также находим слова Дамаскина: «...воистину суета и тление, вся житейская... вси бо исчезаем, вси умрем... Воистину суета вся человеческая».

Индуисты и буддисты, зная это, заключили, что жизнь всего мира это только марево, игра воображения, и что поэтому следует искоренить в себе самое желание жизни, и тогда это гибельное марево, фантазия, магия прекратится... А что будет вместо этого? Это неясно... нирвана, некоторое растворение всякой личности в чем-то, что есть, конечно, покой и некая правда... Но жизнь ли это или смерть? На это пессимистичные религии и философии ясного ответа не дают... Во всяком случае, для них не существует личного Бога, так как самое наличие личности и есть для них причина мучительного марева, что мы зовем жизнью. Справедливо многие мыслители называют буддизм атеистической религией. Причина заблуждения этих религий, вероятно, в том, что они не различают понятий личности (открытой) и индивидуальности (самозамыкающейся).

Эту пронизанность смертью нашей жизни, как мы видели из приведенных выше богослужебных текстов, сознают и христиане. Хорошо об этом написал в свое время в своей книге «La verite scan-daleuse» кардинал Даниелу: «Нынешняя жизнь это уже смерть, поскольку она обречена на смерть... То, что мы называем смертью... это лишь постоянное состояние разложения, достигшее высшей меры. Отцы Церкви... видели в нашей смерти образ любви Божией, так как она препятствует бессмертности смерти. Если дело касается надежды бесконечно продолжать жизнь в ее нынешнем состоянии мертвенности, это не что иное, как стремление пребывать в аду. Наше несчастье глубже, чем мы обычно это представляем... Человечество находится в плену смерти, и это страшнее всех экономических и социальных уз. Пессимисты правы, сознавая, что для человека нет возможности найти выход своими силами из трагического положения, но они не правы, предполагая, что никакого выхода нет... Настоящая жизнь это та, когда человек в его целостности преодолевает биологическую свою порчу силою божественных энергий... Но победа над князем смерти и тьмы принадлежит только Христу... Подлинная жизнь это жизнь по Евангелию, движимая Духом Святым, Духом Любви».

Вопреки всему сказанному об ужасе, даже позоре и оскорбительности смерти для человека и для всего творения, все же в данных условиях она необходима и обладает своей ценностью не только потому, о чем так верно напомнил Даниелу, но и потому, о чем особенно хорошо писал Бердяев. Смерть необходима еще как некоторое высокое мерило всякой ценности. Ею измеряется любовь, верность, мужество, бесстрашие и также надежда и вера... Только через добровольное принятие смерти насильственной или «естественной» измеряется вера в

Божью всеблагость, в обещание вечной жизни: «В руки Твои предаю дух мой!»

Но некоторые формы нашей жизни, а именно жизни греховной, совершенно невыносимы, если не знаешь, что когда-либо их не пресечет смерть. Просто невозможно желать бесконечного существования, скажем, концентрационных лагерей, да и всех насилий, оскорблений человеческой свободы и достоинства... Это все уже хуже смерти... И особенно нестерпимо для человека наличие чего-то подобного в нем самом...

Итак, смерть ужасна во всех отношениях, но в условиях нашей пораженной греховной порчей жизни, она в некоторой мере необходима и может даже быть прекрасной. Это смерть мучеников, святых и героев... Но и это не может понастоящему оправдать смерть. Мы, христиане, твердо знаем, что «Бог смерти не создал» и что «последний враг истребится смерть».

Да, этот враг, настоящий враг обесмысливает все. В наш век полетов на Луну и, имея уже довольно точное представление о других планетах, нельзя не ужаснуться отсутствию жизни, то есть наличию смерти, царящей в нашей планетной системе, кроме как на земле, где еще гнездится хрупкая жизнь... Не жутко ли думать о мириадах холодных или нестерпимо раскаленных мертвых тел, крутящихся в мировом пространстве?

Про наше Солнце, дорогое наше солнышко, которое мы не можем не любить, наш замечательный поэт Фет гениально сказал «...мертвец с пылающим лицом»...

Но так ли ужасна смерть, когда мы, верующие, знаем, а неверующие могут все же это представить, что существует или может существовать еще нечто неизмеримо худшее, чем смерть, это смерть вторая: полное, но длящееся отлучение от Бога – Источника жизни. Вот печать и этой угрозы лежит на всей вселенной, и поэтому всякая радость наша носит в себе неисцелимую рану: «Какая житейская сладость пребывает печали непричастна, такая ли слава стоит на земли непреложна?» Но в этих горьких словах уже просвечивает желание и даже надежда видеть, осязать другую, уже немеркнувшую славу. О ней говорит все Божественное Откровение; если мы приникнем умом и сердцем тому, что сказано в книгах Священного Писания мы все это узнаем...

Но эта слава, слава иной, подлинной жизни просвечивает и здесь. Мы видим уже здесь знаки и признаки победы над смертью второй, то есть над грехом, породившим смерть первую, физическую. Греховность есть как бы черные Альфа и Омега, начало греха и конец – вторая смерть.

Эта злая пародия на истинные Божественные Альфа и Омега, конечно, бессильна, поскольку мы следуем за Христом. И если возможна победа над смертью второй, страшиться ли нам смерти первой?

Перейдем теперь к повествованию о явных признаках победы над смертью второй. Начнем с малого – расскажем о событиях как будто обычных, простых. Один священник, например, был свидетелем и пережил следующие события.

1-й случай. Он прибыл причастить умирающего от общего рака человека. Но родные его предупредили священника, что умирающий уже 30 лет не причащался, а последние месяцы только беспрерывно всех проклинал... Если бы не живые глаза умирающего, можно было бы принять его за мертвеца: кожа и кости. Врачи определили, что он проживет, может быть, только еще несколько часов. На вопрос иерея: «Простил ли он всех?» – умирающий стал всех проклинать, и лицо его исказилось злобой. Страшным стало это полуживое лицо. Никакие увещания не действовали. Растерявшийся священник все же предложил помолиться вместе, чтобы Бог дал силу простить. Больной согласился. Священник помнил только начало молитвы о примирении враждующих, а дальше стал импровизировать. Говорил долго, очень долго, страшась взглянуть на умирающего. Наконец изнемог и решился взглянуть. Он увидел просветленное лицо и слезы, текущие по щекам: «Конечно, простил, всех простил, люблю всех... не знаю... откуда была у меня эта злоба!» После причащения лицо умирающего казалось еще светлее. Он обнял и благословил близких, а они признались, что за всю его жизнь не видели его таким прекрасным. Он скончался через два часа после ухода священника. С тех пор ни лица, пораженные болезнью, ни лица умерших не казались более этому священнику ни обезображенными, ни страшными.

2-й случай. Некие казаки, простоватые, немудреные, один из которых был шофером такси, повезли того же священника в госпиталь причастить умирающего товарища. В дороге выяснилось, что он уже 3–4 дня не приходит в сознание. Была трепанация черепа вследствие рака мозга. Священник заявил, что не может причастить лишенного сознания! «Ну, помолитесь над ним, это утешит его супругу и нас». Исхудалый до последней степени больной лежал с закрытыми глазами; если бы не грудь, которая подымалась и опускалась, нельзя было бы принять его за живого человека. Священник трогал руки и голову его, но больной

остался недвижим. Сестра милосердия заявила, что он много дней и рта не открывает и что его питают искусственно. Священнику оставалось только прочесть молитвы. Но какие? Отходную? А кто знает, сколько дней еще проживет человек? Священник решился читать просто утренние молитвы... Когда дошел до «Отче наш...», больной открыл глаза, стал отчетливо креститься и тотчас попросил исповедывать его и причастить. Ответив на два-три вопроса, легко проглотил малую святую частицу и выпил запивку. По отъезде иерея, умирающий продиктовал свое завещание, благословил близких и, сложив крестообразно руки на груди, скончался. И вспомнились священнику слова: «...слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов... (Евр. 4, 12).

3-й случай. Тому же иерею довелось исповедывать и причастить столетнюю женщину, кухарку. Через год ему пришлось побывать в той же больнице. Выяснилось, что старушка, которой пошел уже 102-й год, еще жива, но совершенно оглохла и ослепла: «Но вы все-таки ее причастите, – сказала ее соседка по кровати. – Приложите ей на губы ваш медный крест, она поймет». Так и случилось. Ощувив на губах холодный металл, старушка открыла глаза и стала отчетливо говорить молитвы. Священник успел за это время приготовить все необходимое, а больная, закончив молитвы, сложила руки крестом на груди и открыла рот для Причастия.

Но самое удивительное произошло тотчас после этого: из глаз причастницы потекли не капли, а потоки слез, и она громко и властно обратилась к Самому Христу: «Я знала, что Ты придешь, Ты никого не забываешь, всех милуешь, и вот Ты пришел, и вот Ты снова со мною!» Она говорила долго, и во все время ее речи потоки слез не прекращались. Другие старушки, француженки, лежавшие в том же зале, приподнялись, стали по-своему креститься и благодарить Бога. Они поняли, в чем дело.

4-й случай. Тому же священнику пришлось взять на себя обязанность посещать близкий от его жилища госпиталь, что он и делал еженедельно. Но дамы, занятые тем же, уговаривали его не тревожиться так часто, так как всегда смогут при надобности позвать его. Десять дней он не навещался в больницу и в один воскресный день собрался посетить друзей. Но когда он вышел из дому, необыкновенная тревога охватила его, и его ноги как-то сами собой привели его в госпиталь. В общем зале, с которого он обычно начинал обход больных, к нему выбежал навстречу молодой паренек – санитар француз, и сразу сказал: «Какая радость, что Вы пришли, тут один из ваших умирает, я тотчас вас к нему проведу». Умиравший от рака человек действительно просил его причастить. Сходить за Св. Дарами было не трудно, и священнику удалось исповедывать и причастить больного. Паренек-санитар с глубоким благоговением приподнял больного, помог утереть ему уста и необычайно горячо, прослезившись, благодарил священника. Такое христианское отношение к русскому со стороны юного француза, конечно, удивило и растрогало священника. «Завтра утром я снова загляну сюда», – сказал он. «Не стоит, – ответил санитар, – я уже по опыту знаю, что через два часа его здесь уже не будет». Это предвидение оказалось точным.

Нельзя не добавить, что мне дважды пришлось присутствовать при кончине двух праведных. Это были игуменья Мелания и княгиня Анастасия Яшвиль, мать давно скончавшегося иерея. Обе умирающие за час до смерти причастились Святых Тайн, просили читать отходную, крестились в это время и по окончании молитвы почили. Перед глазами всех на смертных ложах были не мертвецы, а именно почившие люди, к Богу отшедшие. И где-то в глубине сердец всех свидетелей этих кончин звучали воскресные ирмосы.

Тут уместно сказать несколько слов об И. А. Бунине, которого некоторые легко причислили к язычески настроенным писателям. Да, страстная, может быть, отчасти языческая влюбленность во все видимое, сотворенное у него была. Иногда проглядывал даже цинизм. Но можно ли назвать его язычником? Перед смертью он все просил читать ему Евангелие.

По его кончине вдова Вера Николаевна не раз просила меня прочесть ей вслух стихи мужа, которые я люблю. Оказалось, то, что нравилось мне, было по душе и ей. Я начал читать с самого для меня дорогого:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Можно было бы привести много и других строк, но и этих достаточно. Все основное, что полюбилось поэту, он с благодарностью возвращает Создателю. Это как бы настоящее, личное бунинское «Твоя от Твоих».

Во всем сказанном здесь до сих пор как бы просвечивает надежда на победу над смертью и на существование другой, подлинной жизни. Но это еще все же только земное предчувствие.

Прежде чем перейти к тому, в чем есть непоколебимая уверенность, решаюсь еще сказать о бывшем со мною лично. В преклонном возрасте иногда не только можно, но и необходимо сказать о том, о чем раньше нелегко было говорить, особенно при сознании своей собственной греховности. А теперь опасаясь, что не успеешь засвидетельствовать, а свидетелем быть нужно.

Мою престарелую больную мать в голодный 1920-й год мне пришлось поместить в богадельню, находившуюся еще тогда в ведении нашего приходского собора в С. Петербурге. Я был единственным, кто мог ее опекать, а мне пришлось уехать в другой город. Все же мать мою могли навестить родственники и жившая в окрестном городе сестра. Я знал, что матери моей долго не прожить. В канун Великого Четверга я исповедывался. Тогда еще открытого гонения на Церковь не было, но оно подготавливалось. Ночью вижу сон: еду с матерью, как это бывало, в Швейцарию. На какой-то станции спешу в буфет. Увлекаюсь едой, но думаю достать что-либо и для матери. Аппетит задерживает меня в буфете. В последние годы кулинарные мотивы нередко преобладали во сне. Слышу 1-й, 2-й звонок, бегу на платформу, но прозвенел и третий звонок, и я вижу, как поезд проходит мимо меня. Бросаюсь к нему, хватаюсь за одну, за другую дверь... Напрасно! Поезд ускоряет ход. Смотрю на бегущие вагоны в отчаянии. Я разлучен с матерью. Вдруг окно одного вагона отворяется, и я вижу мать в светлом праздничном наряде, просветленную, радостную. Она меня отчетливо благословляет и говорит, улыбаясь: «Не волнуйся, поездов много, будет время – ко мне приедешь!»

Мгновенно проснувшись, смотрю на часы:

6.30 утра. Знаю определенно: мама умерла.

После причастия чувствую в сердце присутствие матери. Она здесь со мною, живая, в этом храме и во мне. Дома нахожу на столе телеграмму от сестры: «Мама скончалась сегодня в 6.30 утра».

Это событие уже на грани земного, и в нем уже луч победы над смертью. Но окончательная победа только там, на страницах Евангелия. Можно только сказать: раскройте книгу, читайте. Цитаты ни к чему. Умеющие слышать, да слышат!.. И трудно сказать, у кого лучше сказано: у Матфея, у Марка, или у Луки, или Иоанна.

Одной цитаты все же не миновать. Это слова Господа Фоме: «Ты поверил, потому что увидел Меня, блаженны не видевшие и уверовавшие». Да, другого настоящего блаженства и быть не может, в нем завершение всякой радости и блаженства: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»... «и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор. 15, 14, 19–20).

Да, Христос воскрес, и поэтому мы блаженны, по крайней мере, можем быть блаженными как в великом, так и в малом. Предчувствие, а иногда и подлинное блаженство дается ощутить многим православным в Пасхальную ночь, ибо: «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь восстание Христово, в Нем же утверждается».

епископ Александр Семенов (Тян-Шанский)

Таинство смерти

Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства мы слагаем с себя нашу грубую оболочку – тело и душевным существом, тонким, эфирным, переходим в другой мир, в обитель существ, однородных душе. Мир этот недоступен для грубых органов тела, чрез которые, во время пребывания нашего на земле, действуют чувства, принадлежащие, впрочем, собственно душе. Душа, исшедшая из тела, невидима и недоступна для нас, подобно прочим предметам невидимого мира. Видим только при совершении смертного тайнодействия бездыханность, внезапную безжизненность тела; потом оно начинает разлагаться, и мы спешим скрыть его в земле; там оно делается жертвой тления, червей, забвения. Так вымерли и забыты бесчисленные поколения человеков. Что совершилось и совершается с душой, покинувшей тело? Это остается для нас, при собственных наших средствах к познанию, неизвестным.

Сокровенное таинство – смерть! До озарения человеков светом христианства, большей частью они имели о бессмертии души самые грубые и ложные понятия; величайшие мудрецы язычества только умозаключали и догадывались о нем. Однако сердце и падшего человека, как ни было мрачно и тупо, постоянно осязало, так сказать, свою вечность. Все идолопоклоннические верования служат тому доказательством: все они обещают человеку загробную жизнь – жизнь или счастливую или несчастную, соответственно земным заслугам.

Необходимо нам, кратковременным странникам на земле, узнать нашу участь в вечности. Если во время краткого здешнего странствования наши заботы сосредоточены на том, чтобы устранить от себя все печальное и окружить себя всем приятным, тем более должны мы озаботиться об участи нашей в вечности. Что совершает с нами смерть? Что предстоит душе за пределом вещественности? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые человеками на земле произвольно и невольно? Неужели нет этого воздаяния, тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает? Необходимо, необходимо нам раскрыть таинство смерти и увидеть невидимую телесными очами загробную будущность человека.

Таинство смерти объясняется нам Словом Божиим, а посредством действия Святого Духа соделывается даже доступным и открытым для чувств, очищенных и утонченных благодатию: Святой Дух, сказал апостол Павел, «все пронизает, и глубины Божии», не только человеческие (1 Кор. 2, 10).

Смерть – разлучение души с телом, соединенных волею Божией и волею Божией опять разделяемых. Смерть – разлучение души с телом вследствие нашего падения, от которого тело престало быть нетленным, каким первоначально создано Создателем. Смерть – казнь бессмертного человека, которою он поражен за преслушание Бога. Смертию болезненно рассекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и по смерти уже нет человека: отдельно существует душа его, и отдельно существует тело его.

И тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято: оно продолжает существовать в самом тлении своем; оно продолжает существовать в тлении, как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душой, после которого оно соделается уже неприкосновенным для этой видимой смерти. Тела особенных избранных Божиих противостоят тлению, будучи проникнуты обильно благодатью Божией, и в самой сени смертной являют начала своего славного воскресения. Вместо зловония они издают благоухание; вместо того, чтоб разливать вокруг смертоносную заразу, они разливают исцеление всех недугов, разливают жизнь. Такие тела вместе мертвы и живы – мертвы по естеству человеческому, живы по присутствию в них Святого Духа. Они сви-

детельствуют, в каком величии и святости создан Богом человек, и что это величие, эта святость возвращены искуплением.

В то время, как тело уснуло сном смертным, что совершается с душою? Слово Божие открывает нам, что наши души по разлучении их с телами присоединяются – соответственно усвоенным ими в земной жизни добрым или злым качествам – к Ангелам света или к ангелам падшим. С ангелами они составляют по естеству своему один разряд существ, разделяясь по качеству, подобно им, добром или злом, усвоенными свободным произволением естеству, в первобытности непорочному и святому. Неоспоримые доказательства этому находим в Священном Писании и в писаниях святых Отцов. Господь обещал покающемуся разбойнику немедленное переселение душою с креста в рай. «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43). Страдалец, нищий Лазарь, отнесен был, по кончине своей, Ангелами в отделение рая, называемое лоном Авраамовым, а умерший немилосердый богач, веселившийся во время земной жизни на вся дни светло, был низвергнут в ад (Лк. 16, 19–31). Души праведных, разлучившиеся с телами, наслаждаются блаженством на небе в ожидании воскресения тел, как повествует тайновидец Иоанн Богослов (Откр. 6, 10–11); во аде, в ужасных муках, ожидают его, грешники (Откр. 20, 13). Когда вострубит труба воскресения, тогда рай представит небожителей для славного соединения с телами их, которые оживут от гласа Сына Божия (Ин. 5, 25), как услышал этот голос четверодневный и уже смердящий Лазарь и ожил: ад представит мертвецов своих для Страшного суда и окончательного приговора. По изречении приговора и по исполнении его усугубится блаженство праведников, – грешники возвратятся в ад свой для сугубого мучения (Пс. 9, 18). О состоянии праведников по воскресении Господь возвестил, что они «как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22, 30; Лк. 20,

36). Предвозвещая о Своем Втором Пришествии и Страшном суде, Господь сказал, что тогда скажет Он тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира, а стоящим по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (Мф. 25, 34 и 41). И то достоверно, что воздаяние как праведников, так и грешников весьма различно. Правосудие Божие воздаст каждому человеку по делам его (Откр. 22, 12). Не только небесных обитателей бесчисленное множество, по свидетельству Спасителя, но и ад имеет множество различных темниц и различного рода мучения: согрешивший в ведении «бит будет много», согрешивший в неведении «бит будет мало» (Лк. 12, 47 и 48).

Христиане, одни православные христиане, и притом прошедшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедью пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство. Напротив того, нечестивые, то есть неверующие во Христа, злочестивые, то есть еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах или впали в какой-либо смертный грех и не у врачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами. Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в Послании своем говорят:

«Души людей, впавших в смертные грехи и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитвы, слезы, коленопреклонения при молитвенных бдениях, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражение делами любви к Богу и ближним, что все Кафолическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным, – души таких людей нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же получают они по бесконечной благодати, чрез молитвы священников и благотворения, совершаемые за умерших, а особенно силою Бескровной Жертвы, которую в частности приносит священнослужитель для каждого хри-

стианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая и Апостольская Церковь».

Смерть грешников люта (Пс. 33, 22), говорит Писание, а для благочестивых и святых она – переход от молв и смятений житейских к нерушиму спокойствию, от непрерывных страданий к непрерывному и некончающемуся блаженству, переход с земли на небо и соединение с бесчисленным сонмом святых Ангелов и бесчисленным сонмом святых человеков. В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовью к Нему заключается высшее и существенное наслаждение небожителей. Преподобный Макарий Великий рассуждает об этом предмете следующим образом:

«Когда исходит из тела душа человеческая, тогда совершается некое великое таинство. Если она повинна будет греху, то приступают к ней полчища демонов и ангелы сопротивные и силы темные, и похищают душу в область свою. И не должно сему как бы необычайному удивляться. Если человек, живя еще в сем веке, им покорился и повиновался, и соделался их рабом, тем более, когда исходит от мира, бывает ими пленен и поработен. Также, напротив, в отношении лучшего состояния должно разуметь: святым Божиим рабам и ныне предстоят Ангелы, и святые духи сохраняют и окружают их. А когда из тела изыдут, лики Ангельские, восприяв их душу, относят в свою страну, в мир святыни, и приводят их к Господу».

Уже то самое, что для душ человеческих предназначено одно место жительства, одинаковое наслаждение и одинаковая казнь с ангелами темными, служит указанием, что души – существа по всему подобные ангелам. Это очевидно из вышеприведенных слов Господа, сказавшего, что праведные человеки по воскресении подобны и равны Ангелам. Древним праведникам Аврааму, Лоту, Иакову и другим Ангелы являлись в виде мужей, и не вдруг познавали праведники, что явившиеся им не человеки, а бесплотные. По воскресении Христовом Ангелы явились женам-мироносицам в образе мужей, облеченных в блестящие белые ризы (Лк. 24, 4; Ин. 20, 12); при вознесении Христовом они явились апостолам также в виде мужей, одетых в белую одежду (Деян. 1, 10). Святые Отцы часто видели Ангелов светлыми белоризцами, а демонов – черными безобразными эфиопами. Господь, по воскресении Своем, внезапно стал посреди апостолов, находившихся вместе в горнице. Апостолы устрешили, полагая, что видят дух; но Господь успокоил их, объяснив разность между явлением духа и явлением Своим в прославленном теле. «Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня» (Лк. 24, 38 и 39). Здесь не сказано, что дух не имеет никакого вида. Мало этого: предоставлено признавать, что духи, то есть Ангелы и души, имеют вид; сказано только, что они не имеют плоти и костей, которые сохранило тело Христово и в прославленном его состоянии. Выразили свое понятие христиане иерусалимские, понятие, что духи имеют вид, признав духом виденного отроковицею Роди апостола Петра, чудесно избавившегося из темницы. Ангел его есть (Деян. 12, 13–15), сказали они. Святой Макарий Великий говорит, что Ангелы имеют образ и вид, так как и душа имеет свой образ и вид, и что этот образ, наружный вид как Ангела, так и души, есть образ и вид внешнего человека в его теле. Тот же угодник Божий научает, что Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тела. Они – тела тонкие, эфирные, так как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы. Грубое человеческое тело служит одеждою для тонкого тела – души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащие душе, надеты подобные члены тела. Когда душа разлучается с телом посредством смерти, она совлекается его, как бы одежды. Святой Макарий говорит, что совершеннейшие из христиан, очищенные и просвещенные Святым Духом, видят образ души, но такого совершенства и видения достигают между святыми весьма редкие. Этот великий отец утверждает, что у молящихся молитвою Духа душа во время молитвы иногда выходит из тела особенным непостижимым действием Святого

Духа. И в тот век, в который процветал в пустыне Египетского Скита Великий Макарий, в век высокого подвижничества монашеского, весьма редкие между святыми иноками сподоблялись видеть образ души; тем реже они ныне. Но и ныне они встречаются, по великой милости Божией и по неложному обетованию Господа Иисуса пребывать с верными учениками Своими до скончания века. По личному свидетельству такого избранника Божия, внезапно узревшего душу свою при обильнейшем благодатном действии молитвы, исшедшее из тела и стоящее на воздухе, она – эфирное, весьма тонкое летучее тело, имеющее весь вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица – словом, полное сходство с ним. Не только силы ума и сердца были при душе, но при ней была вся жизнь, а тело оставалось на стуле, как мертвое, как скинутая одежда, доколе, по мановению Божию, не возвратилась в него душа так же непостижимо, как непостижимо вышла из него. Ангелы подобны душе: имеют члены, главу, очи, уста, перси, руки, ноги, власы – словом, полное подобие видимого человека в его теле. Красота добродетели и Божия благодать сияют на лицах святых Ангелов; этот характер напечатлен на лицах и добродетельнейших христиан. Отчаянная злоба составляет характер падших ангелов; лица их похожи на безобразные лица злодеев и преступников между людьми. Так поведуют видевшие Ангелов света и ангелов тьмы. Ангел и душа называются бесплотными, как не имеющие нашей плоти называются духом, как существа тонкие, совершенно отличающиеся от предметов, составляющих вещественный мир. Так называются они и на обыкновенном языке человеческого, и в Священном Писании, и в писаниях святых Отцов: вещество их несравненно тоньше вещества земных предметов, нами видимых. В обыкновенном нашем состоянии падения мы не видим духов, но ощущаем влияние их на нас, если проводим внимательную, благочестивую жизнь. Благодатное, живое, мысленное ощущение духов есть духовное видение их. Ветер, воздух, разные газы и испарения называются обыкновенно, и даже в Священном Писании и Отеческих писаниях, духом. Так Господь уподобил действие Святого Духа действию ветра; ветер в этом месте Евангелия назван духом. Но в собственном, точном смысле, один Бог – Дух. Он, как Существо всесовершенное, вполне отличается естеством Своим от естества тварей, как бы они ни были, сравнительно с другими тварями, тонки и совершенны. Нет существа одноестественного Богу! И потому, кроме Бога, нет другого духовного существа по естеству.

Дух (есть) Бог (Ин. 4, 24), «Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь» (Евр. 1, 7), – Бог вочеловечившийся, пришел чтобы низвести на землю огонь (Лк. 12, 49) в сердца наши, умерщвленные грехом и оледеневшие от греха, соделать нас чрез соединение с Собою пламенем и духом, неприступным для тления и диавола. Чужды истинной жизни и истинной духовности и ангелы падшие и души отверженных грешников.

Будущие жилища душ соответствуют естеству их, то есть их эфирной природе. Соответствует этой природе эдем, или рай, соответствует ей и ад. Кроме духовного наслаждения внутреннею царства святой души, раскрывающегося в ней уже отсюда по мере ее очищения, она помещается в страну и обитель, каковым подобает быть местопребыванию души, удостоенной милостью Божией вечного блаженства. Душа грешная, отвергнутая Богом, не только мучится своею совестью и своим состоянием отвержения, но и заключается в страшную подземную темницу, именуемую адом, тартаром, геенною, где подвергается лютым мукам, способным терзать ее эфирную природу. Все это сказано в Священном Писании и открывается Святым Духом, по Его избранию и усмотрению, человекам, достойным такого откровения, откровения душеполезнейшего.

Часто, когда хотим тщательно обозреть какой-либо предмет видимого мира, избираем удобное место для самих себя, с которого предмет мог бы быть удовлетворительнее виден и рассмотрен: делаем это не потому, чтоб нуждался в этом сам предмет, но потому, что мы нуждаемся помочь ограниченности нашей. Никак не лишним будет избрание для себя прилич-

ного мысленного места при нынешнем нашем рассматривании. Мы безошибочно приищем место это и станем на него, когда усмотрим и сознаем нашу ничтожность среди громадного мироздания, ничтожность наших средств к приобретению познаний, ничтожность самых познаний, нужду, настоящую нужду, даже к самопознанию, в Божественном Откровении. Мы не видим ни рая, ни ада нашими чувственными очами; но что видим мы ими? Что, видим ими – не говорю в мире духов, – что видим в этом самом чувственном мире, который с такой уверенностью называем видимым миром? Видим в нем лишь малейшую часть предметов, ничто в сравнении с целым. В этом уличают нас и телескоп и микроскоп, уличают обоняние и осязание наши, которые ощущают газы, невидимые для глаза, и тем открывают существование их, скрывающееся от зрения; уличает нас пространство, ограничивающее и затрудняющее взор наш тесным, непрестанно изменяющимся горизонтом; уличает непроницаемость земли и многих других предметов на ее поверхности; уличает нас ограниченность, крайняя ограниченность нашего зрения, не могущего видеть ни одного предмета в настоящем его виде, не видящего газов по их тонкости, не могущего проникать грубых предметов по их плотности, даже не могущего видеть одной стороны предмета без того, чтоб другая сторона или и многие стороны не скрывались. Что видим мы из видимой природы? – ничтожнейшую ее частичку!.. И нашу привычку к ограниченности нашего зрения считаем зрением полным и удовлетворительным. Из познания ограниченности нашей, познания смиренного и верного, благоговейно устремим взоры ума к тем предметам, которые скрыты от наших грубых чувств, но открываются нам милосердием и благодатью Божией.

Из книги святителя Игнатия (Брянчанинова) «Слово о смерти», собрание сочинений свт. Игнатия Брянчанинова, т. 3.

Глава 2

Свидетельства переживших смерть

Прав ли доктор Моуди?

Кто знает, может быть, жить – это значит умереть, а умереть – жить.
Эврипид

Помню, как на заре туманной юности меня потряс рассказ поэта Арсения Тарковского о его опыте внетелесного существования. Это случилось с Тарковским в январе 1944 года, после нескольких реампутаций ноги, когда он погибал во фронтовом госпитале от гангрены. Он лежал в маленькой, тесной палате с очень низким потолком. Лампочка, висевшая над кроватью, выключателя не имела, и приходилось вывинчивать ее рукой. Однажды, выкручивая лампочку, Тарковский почувствовал, что его душа (сознание) спиралеобразно выскользнула из тела – вывинтилась, подобно лампочке из патрона. Удивленный, он глянул вниз и увидел свое тело. Оно было совершенно недвижимо, как у человека, спящего мертвецким сном. Затем ему почему-то захотелось посмотреть, что делается в соседней палате. Он стал медленно «просачиваться» сквозь стену, но в какой-то момент почувствовал, что еще немного – и он уже никогда не сможет вернуться в свое тело. Это его испугало. Он снова завис над кроватью и каким-то странным усилием скользнул в тело, как в лодку.

Эту историю я припомнил, когда впервые прочитал книги западных исследователей, посвященные опыту людей, побывавших в состоянии клинической смерти.

Запад, последовательно отболевший в XX веке разными мировоззренческими модами, начиная от теософии и кончая дзен-буддизмом, в какой-то момент почувствовал потребность вернуться к классическому рационализму. При этом таинственные моменты бытия не отвергались, а объяснялись путем соединения трех компонентов: свидетельств чувственного опыта, рационалистического анализа (естествознание, помноженное на формальную логику), мистического (мифологического, религиозного) знания.

В 1970-х годах западного читателя захлестнула волна литературы, посвященной тому, на что прежде было наложено негласное табу. Особенно рьяно бросились писать о смерти медики.

Пионером здесь стала доктор Элизабет Кублер-Росс, автор книг «О смерти и умирании» (1969) и «Смерть не существует» (1977). Среди других серьезных работ выделяю следующие: Дж. Мейерс «Голоса на краю вечности» (1973), Осис и Харальдсон «В час смерти» (1976), Бетти Мальц «Мои впечатления о вечности» (1977), Д. Р. Уиклер «Путешествие по ту сторону» (1977), М. Роолингз «За порогом смерти» (1978), Тим Ле Хэй «Жизнь после жизни» (1980), Серафим Роуз «Душа после смерти» (1982), Станислав и Кристина Гроф «Сияющие города и адские муки», Лайэлл Уотсон «Ошибка Ромео», Майкл Сабом «Призывы смерти» (1982), Кеннет Ринг «Трагедия ожидания», Петр Калиновский «Переход» (1991).

Но самое большое количество читательских взоров притянула книга Р. Моуди «Жизнь после жизни» (1976) и ее продолжение «Размышления о смерти после смерти» (1983).

В первой книге Моуди описал и проанализировал 150 случаев, когда люди, побывавшие в состоянии клинической смерти, хорошо помнили о том, что происходило с ними, имели опыт предсмертных видений, связанных с ощущением (или реальностью) внетелес-

ного существования (обозначим его аббревиатурой ОВС). (Моуди, однако, вынужден оговориться, что его пациенты, пережившие опыт ОВС, описывали свои переживания словами, которые являются только аналогиями или метафорами. В силу иной природы «того света» эти ощущения невозможно передать адекватно). Для процесса ОВС характерны следующие стадии: остановка всех физиологических функций организма (причем умирающий еще успевает услышать слова врача, который констатирует летальный исход); нарастающие неприятные шумы; умирающий выходит из тела и с большой скоростью несется по тоннелю, в конце которого виден свет, иногда – светносное существо; перед умирающим проходит вся его жизнь; он встречает умерших родственников и друзей; в какой-то момент возникает ощущение границы, из-за которой уже невозможно вернуться в тело; умирающий «усилием воли» или иногда против воли возвращается в тело. Согласно исследованиям Моуди, существует 11 четко различимых стадий процесса умирания и возвращения с того света (американский кардиолог Сейб насчитывает 10 таких фаз).

По данным американского психолога Кеннета Ринга, изучившего 102 случая «возвращения с того света», 60 процентов «возвращенцев» испытали непередаваемое чувство покоя, 37 процентов парили над собственным телом, 26 процентов запомнили всевозможные панорамные видения, 23 процента входили в тоннель, колодец, погреб, шлюз или мешок, 16 процентов были очарованы удивительным светом, 8 процентов встречались с умершими родственниками. Встречаются у «возвращенцев» и описания ада – об этом свидетельствуют сообщения того же Р. Моуди, а также М. Сабомы, Дж. Ритчи, Б. Мальца. Доктор Мориц Роолингз в книге «За порогом смерти» рассказывает о своем пациенте, который во время остановки сердца попал в ад. В процессе оживления он несколько раз приходил в себя, но сердце снова останавливалось. Когда он был в нашем мире и обретал дар речи, он все еще видел ад, был в панике и просил врачей продолжать оживление. Эти процедуры болезненны, и обычно больные, возвращаясь к земной жизни, просят прекратить их. Спустя два дня у больного не осталось никаких воспоминаний о происходившем. Он все забыл, он никогда не был в аду и никакого ада не видел. Стоит также отметить тяжелый опыт ОВС у самоубийц, возвращенных к жизни. Их видения мрачны, безрадостны, порой просто ужасны.

По утверждению К. Ринга, показания «возвращенцев», различаясь в некоторых деталях, совпадают в главном, независимо от национальности, возраста, пола, места проживания и религиозной принадлежности исследуемых. Об этом же говорит и австралийский врач П. Калиновский, хотя отмечает, что «иногда люди видят то, что они ожидают увидеть. Христиане видят Ангелов, Богородицу, Иисуса Христа, патриархов. Индусы видят индусские храмы; неверующие видят фигуры в белом, юношей, иногда ничего не видят, но чувствуют «присутствие». Психологи видели в свете облик своего отца или понимали его как «коллективное сознание» и так далее».

По данным Э. Кублер-Росс, только 10 процентов людей, находившихся на грани смерти или переживших клиническую смерть, могли ясно припомнить, что они переживали при этом. Другие исследователи называют более высокие цифры – от 15 до 35 процентов.

Вот еще несколько подобных историй в передаче исследователей или рассказанных самими «возвращенцами».

«Врач британских ВВС потерпел аварию при взлете с маленького сельского аэродрома. Он был выброшен из кабины, упал на спину и лежал без всяких признаков жизни. Из кабины, в которой он оказался после аварии, здания аэродрома не видно, но, тем не менее, доктор ясно видел все этапы спасательной операции. Он вспоминает, что глядел на аварию с высоты около двухсот футов и видел свое тело, лежащее поблизости. Глядя, как бригадир и уцелевший пилот бежали к его телу, он недоумевал, зачем им это нужно, желая, чтобы его оставили в покое. Он видел, как из ангара выехала машина «скорой помощи» и сразу же заглохла. Он видел, как водитель вылез, завел машину ручкой, вскочил в кабину, про-

ехал немного и притормозил, чтобы захватить на заднее сиденье санитара. Он наблюдал, как «скорая» остановилась возле госпиталя, где санитар что-то забрал, а затем двинулась к месту катастрофы. Тогда еще не пришедший в сознание доктор почувствовал, что удаляется от аэродрома, пролетает над островом Корнуолд и с огромной скоростью несется над Атлантикой. Внезапно путешествие окончилось, и он, очнувшись, увидел, как санитар льет ему в глотку раствор нюхательной соли. Позднейшее расследование обстоятельств аварии показало полное соответствие всех деталей рассказа действительным событиям».

«Однажды у меня был сердечный приступ. Я вдруг обнаружила, что я нахожусь в черном вакууме, и я поняла, что я покинула свое физическое тело. Я знала, что умираю, и я подумала: «Боже, я бы жила не так, если бы знала, что случится сейчас. Пожалуйста, помогите мне». И немедленно я стала выходить из этой черноты и увидела что-то бледно-серое, но я продолжала двигаться, скользить в этом пространстве. Потом я увидела серый тоннель и направилась к нему. Мне показалось, что я двигаюсь к нему не так быстро, как мне хотелось бы, потому что я поняла, что, продвигаясь ближе, я смогу что-то увидеть сквозь него. За этим тоннелем я увидела людей. Они выглядели так же, как и на земле. Там я увидела нечто такое, что можно было бы принять за картины настроя.

Все было пронизано удивительным светом: живительным, золотисто-желтым, теплым и мягким, совсем непохожим на тот свет, который мы видим на земле. Когда я приблизилась, я почувствовала, что прохожу сквозь тоннель.

Это было удивительное, радостное ощущение. На человеческом языке просто нет слов, которыми можно было бы это описать. Только мое время перейти за этот туман, вероятно, еще не пришло. Прямо перед собой я увидела моего дядю Карла, который умер много лет назад. Он преграждал мне путь, говоря: «Иди назад, твое дело на земле еще не закончено. Сейчас возвращайся обратно». Я не хотела идти, но у меня не было выбора, поэтому я вернулась в свое тело.

Я вновь ощутила эту ужасную боль в груди и услышала, как мой маленький сын плакал и кричал: «Боже, верни мамочку!».

«Я видел, как они поднимали мое тело и вытаскивали его из-под рулевого управления, я чувствовал, что меня как будто тащат через какое-то ограниченное пространство, что-то вроде воронки. Там было темно и черно, и я быстро двигался через эту воронку обратно, к моему телу. Когда я был «влит» обратно, мне показалось, что это «вливание» началось с головы, будто я входил с головы. Я не чувствовал, что могу как-то рассуждать об этом, не было даже времени подумать. Перед этим я был в нескольких ярдах от моего тела, и все события вдруг приняли обратный ход. Я не успел даже сообразить, в чем дело, я был «вливаем» в мое тело».

«Я была взята в больницу в критическом состоянии. Они говорили, что я не выживу, пригласили моих родных, потому что я должна скоро умереть. Родные вошли и окружили мою кровать. В тот момент, когда врач решил, что я умерла, мои родные стали мне далекими, будто бы они стали удаляться от меня. Это, в самом деле, выглядело так, будто не я удаляюсь от них, а они начали удаляться все дальше и дальше от меня. Становилось все темнее, и, тем не менее, я видела их. Потом я потеряла сознание и не видела, что происходило в палате.

Я находилась в узком Y-образном тоннеле, похожем на изогнутую спинку вот этого стула. Этот тоннель по форме соответствовал моему телу. Мои руки и ноги, казалось, были сложены по швам. Я стала входить в этот тоннель, продвигаясь вперед. Там было темно настолько, насколько вообще бывает темно. Я двигалась через это вниз. Потом я посмотрела вперед и увидела прекрасную полированную дверь без всяких ручек. Из-под краев двери я видела очень яркий свет. Лучи его выходили таким образом, что было ясно, что все там, за дверью, очень счастливы. Лучи эти все время двигались и вращались. Казалось, что там, за

дверью, все ужасно заняты. Я глядела на все это и говорила: «Господи, вот я. Если ты хочешь, возьми меня!» Но хозяин вернул меня обратно, и так быстро, что у меня захватило дух».

«Я слышал, как врачи сказали, что я умер. И тогда я почувствовал, как я начал падать или как бы плыть через какую-то черноту, некое замкнутое пространство. Словами это невозможно описать. Все было очень черным, и только вдалеке я мог видеть этот свет. Очень-очень яркий свет, но сначала небольшой. Он становился больше по мере того, как я приближался к нему. Я старался приблизиться к этому свету, потому что чувствовал, что это был Христос. Я стремился попасть туда. Это не было страшно. Было более или менее приятно. Как христианин, я тотчас связал этот свет с Христом, который сказал: «Я свет миру». Я сказал себе: «Если это так, если я должен умереть, я знаю, что ждет меня в конце, там, в этом свете».

«Я встал и пошел в другую комнату налить чего-нибудь выпить, и именно в этот момент, как мне потом сказали, у меня было прободение аппендицита, я почувствовал сильную слабость и упал. Потом все как будто сильно поплыло, и я почувствовал вибрацию моего существа, рвущегося из тела, и услышал прекрасную музыку. Я парил по комнате и затем через дверь перенесся на веранду. И там мне казалось, что вокруг меня стало собираться какое-то облачко, скорее розовый туман. И тогда я проплыл мимо через перегородку, как будто ее там и не было вовсе, по направлению к прозрачному ясному свету.

Он был прекрасен, такой блестящий, такой лучезарный, но он совсем не ослеплял меня. Это был неземной свет. По-настоящему я не видал никого в этом свете, и все же в нем была заключена особая индивидуальность... Это был свет абсолютного понимания и совершенной любви. Мысленно я услышал: «Любишь ли ты меня?» Это не было сказано в форме определенного вопроса, но думаю, что смысл можно выразить так: «Если ты действительно любишь меня, возвращайся и закончи в своей жизни то, что начал». И все это время я чувствовал себя окруженным всепоглощающей любовью и состраданием».

Феномена посмертных видений у людей, находившихся в состоянии клинической смерти, не отрицает никто. Вопрос в трактовке природы этих видений. Президент Французской танатологической ассоциации Луи-Венсен Тома считает, что не правы как фанатичные мистики, пытающиеся использовать феномен ОВС для пропаганды своих идей, так и те, кто упрощенно сводит феномен к галлюцинациям.

Большинство пациентов, опрошенных Моуди – люди верующие, как правило, христиане. Их экзистенциальный опыт как будто свидетельствует о безусловном существовании Бога и о том, что наша душа бессмертна. Доктор Карлис Озис, собравший данные о 3800 больных, находившихся на грани смерти, отмечает, что верующие имеют видения чаще, чем неверующие.

Французский журналист Жан-Поль Мари рассказывает о психологе Патрике Дьюаврине, который, прочитав книгу Моуди, тотчас же провел детальный опрос 33 пациентов своей больницы, переживших остановку сердца, крупные травмы или паралич дыхательных органов. Доктору Дьюаврину благодаря профессиональному умению «разговорить» и выслушать человека удалось выявить троих, прошедших через феномен ОВС, никогда и никому прежде не открывавшихся. Первый вывод, сделанный Дьюаврином: феномен, бесспорно, существует. Вывод второй: эти люди более нормальны, чем другие. У них гораздо меньше проявляются психопатологические явления, которые бывали в прошлом, они употребляют меньше лекарств, алкоголя. Их принцип: никаких наркотиков. «Очевидно, что психологическая уравновешенность этих лиц выше среднего уровня», – говорит психиатр.

Первым из этих троих был офицер, перенесший кому второй степени – результат тяжелой формы менингита. Он рассказывает о погружении в теплый обволакивающий свет. Второй, профессор Академии изящных искусств, пораженный кровоизлиянием в мозг, наблюдал, как от него «отлетел в бесконечность его дух в виде светящегося шара, постепенно

сливаясь с огромным пятном белого света квадратной формы». Этот профессор, судя по всему, агностик, считает смерть венцом мироздания. Третий, перенесший односторонний паралич, выходил из своего тела и видел свое парализованное лицо... Психиатр продолжил исследования и сделал новое открытие: оказывается, люди могут испытывать симптомы ОВС во время отдыха, в полусне или при простой стоматологической анестезии, то есть не встречаясь со смертью. Он замечает также, что бывают – хотя и реже – случаи негативного протекания ОВС, когда человек испытывает кошмарные видения и путешествие «туда» становится для него мучением. Да, лик смерти не всегда приятен.

Общим правилом является последующее возвращение к свету.

Перечитайте «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого – потрясающее описание феномена ОВС! Вот как Л. Н. Толстой повествует об агонии Ивана Ильича:

«Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее сдавило ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры засветилось что-то. С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление». И чуть далее: «В это самое время Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить». Наконец, самый финал: «И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдруг все выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. Жалко их (родных. – А. Л.), надо сделать, чтоб им не больно было. Избавить их и самому избавиться от их страданий. «Как хорошо и как просто», – подумал он. «А боль? – спросил он себя. – Ее куда? Ну-ка, где ты, боль?»»

Он стал прислушиваться.

«Да, вот она. Ну что ж, пускай боль».

«А смерть? Где она?»

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

– Так вот что! – вдруг вслух проговорил он. – Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его клокотало что-то; изможденное тело еще вздрагивало. Потом реже и реже стали клокотанье и хрипенье.

– Кончено! – сказал кто-то над ним. Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше».

Невероятно большое число совпадений этого рассказа и современных описаний ОВС наводит на мысль о том, что Толстому самому довелось пережить подобное состояние или же слышать рассказы людей, вернувшихся с «того света» (например, во время военной кампании в Севастополе).

(Из книги А. П. Лаврина «Энциклопедия смерти. Хроники Харона»)

Дорога в ад

По этой скорбной дороге отправлялись иногда люди, побывавшие в состоянии клинической смерти.

Казалось бы, что нового можно сказать после знаменитых книг Р. Моуди, Э. Кублер-Росс и других врачей, повествующих о впечатлениях пациентов, переживших клиническую смерть. Они утверждали: всем, побывавшим ТАМ, было гораздо лучше, чем ЗДЕСЬ. Перед ними представляли чудесные картины – это мог быть великолепный сверкающий город, населенный счастливыми людьми, прекрасная, залитая ярким светом холмистая равнина, где временно умершие встречались со своими близкими или общались со светлыми существами, одним своим присутствием приносящими человеку безмерную радость. Словом, это был рай.

Но если есть рай, то есть и ад? Пожалуй, впервые на этот вопрос попытался ответить американский реаниматолог доктор Роолингз в своей книге «За порогом смерти». Что привело его к этому исследованию? Но вначале приведем несколько рассказов из этого объемистого труда, вышедшего в США.

«Необходимость реанимации почтового служащего Дж. Р. была обусловлена сердечным приступом, случившимся, на его счастье, непосредственно в моем кабинете, – пишет автор. – Таким образом, к реанимированию пациента путем искусственного дыхания мы с медсестрой приступили практически немедленно: я делал закрытый массаж сердца, сестра – дыхание «рот в рот». Все было напрасно! Лишь спустя полчаса, уже в реанимационной, он начал эпизодически приходить в себя, но затем сердце останавливалось вновь. Более трех часов мы боролись за жизнь Дж. Р. и в итоге победили. Через две недели пациент выписался. А теперь вернусь к его эпизодическим «возвращениям». Их было несколько, и каждое следующее продолжительней предыдущего.

Первые из этих моментов поразили меня реакцией больного: процесс реанимации крайне болезнен и обычно пациенты начинают умолять оставить их в покое, особенно если используется электрошок. Здесь же все было наоборот: Дж. Р. буквально кричал: «Продолжайте, доктор, продолжайте, ради Христа, я не хочу больше туда, это настоящий ад!» В первые минуты после нашей победы, когда пациента еще нельзя перевозить в палату, вот что поведал мне наш почтовик:

«Господи Иисусе, доктор, я был... в аду! Это невозможно описать, но, клянусь, это правда... Вначале был какой-то темный туннель, сквозь который я летел, не касаясь его стен, а потом – ЭТО... Темное багровое пространство, а в нем – огромное озеро, в котором вместо воды пылающий голубоватый огонь, издающий непереносимую вонь. И сотни, тысячи, а может, миллионы молчаливых, хмурых людей на берегу... Лица... Видели бы вы их лица! Я узнал среди них своего умершего дядю и одного мальчика, моего бывшего одноклассника, умершего молодым от рака губы... Он был всегда очень паршивым мальчишкой... Невозможно было даже представить, что из этого места можно уйти или вырваться, это хуже самой жуткой тюрьмы, и на лицах всех людей написано, что их отчаяние безмерно, надежды нет. Никто из них не заговорил со мной, не подошел, не удивился моему появлению: они просто стояли и смотрели на этот жуткий огненный шквал. Жара, нигде ни капли воды... И, вдруг, гляжу – над толпой движется окутанная светом и тоже молчаливая фигура: я узнал Его, это был Он, Иисус! И тут я мысленно взмолился, сказав: «Господи, помоги мне, ведь ты же можешь вывести меня отсюда!..» Он, казалось, не обратил на мои слова никакого внимания, но, удаляясь, вдруг повернулся и взглянул на меня... В ту же минуту я оказался в операционной, и – видит Бог! – как же я был счастлив очутиться вновь здесь, в своем теле...»

Такую вот историю я услышал от пациента. Добавлю к ней несколько важных обстоятельств. Первое. Как мне удалось выяснить позже, Дж. Р. никогда не был верующим человеком, тем более знающим библейские тексты. Он не мог знать, что именно так, как описал он, выглядит в Библии озеро из огня и серы, в которое после Второго пришествия Христова должны быть ввергнуты сатана и все его приспешники. Второе. Когда я спустя неделю после реанимации сделал попытку вернуться к разговору в операционной, то с изумлением выяснил, что Дж. Р. начисто забыл о своих видениях, считая, что был в глубоком обмороке. Третье. Несмотря на то, что случившееся стерлось в его памяти (на основе других аналогичных случаев уверен, что «ушло» в подсознание), Дж. Р. после реанимации совершенно изменился как человек, неожиданно обретя религиозное сознание. Это была перемена, которой, зная его долгие годы, никто из близких людей и по сей день не нашел объяснения...

Я бы мог привести еще не менее десятка подобных примеров, когда мои пациенты, побывавшие в аду, несмотря на ужас, с которым рассказывали об этом сразу после реанимации, спустя несколько дней, совершенно не помнили ни одной детали пережитого (в отличие от тех, кто испытал за гранью жизни приятные ощущения).

Инженер-строитель Хиллари получил задание осмотреть местность неподалеку от маленькой маслобойни, чтобы решить, можно ли расширить это сооружение. Среди объектов, подлежащих осмотру, был и мост над глубоким водоемом. Исследуя его опоры, инженер слишком сильно перегнулся через перила и... полетел вниз с 15-метровой высоты! По свидетельству рабочих, наблюдавших этот эпизод, прежде чем упасть в воду, он дважды стукнулся головой о поперечные балки. Хиллари, вернее его тело, искали в воде 40 минут! Естественно, нашли без признаков жизни, и реанимационную машину вызвали исключительно для очистки совести... Войдя в маленькое помещение, где лежало его тело, я увидел окровавленный труп и маленькую пожилую женщину на коленях рядом с ним. Женщина молилась: «Господи, не забирай его, эта душа еще не очистила себя для вечной жизни!..» В тот же момент (и для меня, врача, это было настоящим потрясением) Хиллари вдруг открыл глаза и застонал! Естественно, мы сразу же приступили к реанимации, перенесли инженера в машину. И добились успеха!

Там же, в машине, он, задыхаясь от ужаса, прерывая сам себя восклицаниями типа «Господи, прости мне мое неверие!» и длинными паузами, поведал мне, что, пролетев через какой-то черный туннель, попал в «жуткое место». Это было что-то вроде огромной и абсолютно темной пещеры, наполненной змеями! Змеи ползали по нему, заползали, причиняя невыносимую боль, в уши, в нос.

Какие-то не видимые во тьме, злобно настроенные существа внушали ужас одним своим присутствием. И вдруг, среди всего этого ужаса, он увидел вспышку света, услышав одновременно голос: «Возвращайся, тебя отмолила миссис К. Иди и живи иначе!..» Тут же чьи-то невидимые руки подняли его. Последнее, что он ощутил ТАМ, – злобу пещерных невидимок, их нежелание отпускать его. Первое, что ощутил ЗДЕСЬ, – увидел свое тело со стороны, миссис

К., молящуюся рядом. Затем комната завертелась, и он оказался в плену боли – в своем теле, лежащем на кушетке. Спустя трое суток после пребывания в больнице Хиллари, как и остальные побывавшие в аду, начисто забыл свой посмертный опыт. Но точно так же, как и Дж. Р., это не помешало ему стать впоследствии глубоко верующим христианином».

Наконец, приведем еще один из многочисленных эпизодов, описанных в книге Морица Роолингза. Его несколько раз вызывали к добропорядочной верующей пожилой леди Тэйлор, умиравшей от рака и в этой связи дважды попадавшей в реанимацию. В третий раз доктора вызвали на дом, но его услуги, как он вынужден был констатировать, уже оказались не нужны: миссис Тэйлор умерла... И вдруг, в тот момент, когда Роолингз подписывал необхо-

димые бумаги, полностью уверенный в летальном исходе, покойница глубоко вздохнула и открыла глаза.

Ее первыми словами была горячая благодарность Богу за то, что Он позволил вернуться и отмолить «этот ужасный грех». «Я умру, доктор, – сказала она, – через два месяца. Это тот срок, который мне дан, чтобы исправить содеянное мной некогда и забытое. Боже, в каком страшном месте я была!..»

Старая леди не скрывает своего посмертного опыта и, что еще важнее, не забыла его до самой смерти, которая наступила именно в тот момент, который был ею назван! Нет нужды описывать здесь детально те мытарства, свидетелем которых она оказалась за гранью смерти: они полностью совпадают с мытарствами, о которых рассказывает Библия и которые, согласно Евангельским текстам, ждут тех, кто повинен здесь, на земле, в грехе блуда. Последние месяцы своей жизни миссис Тэйлор провела в монастырской больнице, пожертвовав большую часть своего состояния на ее нужды.

Вывод из всего сказанного один: многие специалисты ошибались, рисуя великолепные картины загробной жизни. Она, утверждает доктор Роолингз, прекрасна отнюдь не для всех, а только для тех, кто жил праведно. Прочим же придется искупать свои грехи в аду, очищать душу, пока им не будет дарована новая жизнь. И если они ее проживут достойно, тогда, может быть, и станут достойны рая.

Коллеги доктора иногда спрашивают автора книги «За порогом смерти»: что именно заставляет его заниматься столь зыбкой сферой исследования, зачастую вызывающей у современного человека улыбку. Ведь и он сам, и все его близкие живы, здоровы, а жизнь так насыщена, в ней столько забот и хлопот... И какая разница, что и кто нас ждет ТАМ?

«Я, – отвечает доктор Роолингз, – в таких случаях привожу слова одного моего английского коллеги, тоже врача-реаниматолога: там, говорит он, у меня находится мой самый близкий друг. Его имя? Иисус Христос!..»

Ольга Симонова, Антон Шварц,

ЗАО «Виктор Шварц и Ко» «Thomas Nelson Inc.», Nashville, TN., copyright date 1978 by Maurice S. Rawlings.

В ад и обратно

доктор медицинских наук Мориц С. Роолингз

Похоронная церемония кажется мистической, но смерть является еще более загадочной и необъяснимой. Довольно много информации сообщается о людях, побывавших за чертой смерти. Но только недавно стали появляться данные, что за этой чертой нас ожидает не только рай, но и ад.

Многие исследователи изучали видения в момент смерти, но большинство из них не написали о негативных или неприятных ощущениях. Вместо этого они утверждают, что во всех зафиксированных случаях душа в момент смерти переходит на Божественный, высший, великолепный уровень. Они делают ложное заключение, что ворота рая широко открываются перед любым вне зависимости от веры, религии и образа жизни.

Заключение, сделанное этими авторами, кажется простым и понятным – смерть не является концом всего. Однако никто из этих авторов не упоминает о таком месте, как ад.

Целью этой книги является описание неприятных и ужасных картин ада, которые видит душа человека в момент смерти, в момент борьбы за свое существование в этом мире, которые ранее не публиковались. Эта информация значительно отличается от данных других авторов, у которых все после жизни видится только в положительном свете.

По мере того, как я буду приводить негативные, неприятные случаи, вы увидите, что именно это очень сильно повлияло на судьбы людей, которые вернулись из ада и осознали, что ад вполне реален, и в него можно попасть после смерти. Следовательно, если ад существует, то может быть небезопасно умирать?

Проблемы видений после жизни

Часто ли мы наблюдаем смерть в течение жизни? Тут же возникает устаревшая фраза – когда тело умирает, то душа оставляет его. Но, что реально происходит в момент смерти? Вот мы сидим и двигаемся, а вот уже лежим без чувств. Мы ушли, но куда? Я никогда не видел душу, летающую вокруг мертвого тела, а Вы? Но, тем не менее, многие авторы упоминают, что душа человека улетает в вечный рай, но никто из них не упомянул об аде. Но ведь ад тоже существует.

Многие годы я видел мертвые тела и не догадывался, что душа может жить и в них. До того момента, как были разработаны современные методы, способные вернуть человека из клинической смерти с того света.

Боюсь ли я лично смерти? Я отвечу просто: «Да».

Однажды мне пришлось испытать самому опыт существования вне тела. Вот типичное описание ощущений умирающего человека.

Умиравший обычно слабеет или теряет сознание в момент смерти, и, тем не менее, он способен некоторое время слышать, как врач констатирует его смерть. Потом он обнаруживает, что находится вне своего тела, но все еще в той же комнате, наблюдая, как свидетель за происходящим со стороны. Он замечает тех, кто находится в комнате и знает, о чем они говорят. Он с трудом верит в собственную смерть. Чувствует он себя превосходно! Вся жизнь человека может быть прокручена назад. А потом встречается барьер, который он не может переступить. В этот момент он обычно возвращается и внезапно чувствует толчок применяемого электротока или боли в груди из-за надавливания на нее.

Сердечный приступ может застать Вас где угодно

Вик Бонд (мой инструктор по полетам) был мужчина в самом расцвете сил, с хорошим здоровьем, но он внезапно умер от сердечного приступа. Сначала ему давалась стрептокиназа, при этом у него значительно снизились болевые ощущения, и он стал меньше потеть – этот препарат был новейшей разработкой в то время.

Каждые полчаса ему вводили лекарство до тех пор, пока показатели кровяного давления, биения сердца и электрокардиограмма не стали улучшаться. Потом был добавлен гепарин, для того чтобы предотвратить образование сгустков. Но впоследствии выяснилось, что Бонду необходимо хирургическое вмешательство и без него никак не обойтись. Когда Бонду проводилась операция, у него не наблюдалось никаких видений (он настолько сильно отключился). Через несколько часов после операции он умер.

Вы скажете, что такого никогда не произойдет с Вами? Вы скажете, что нет никакого риска, потому что бегаете, плаваете, играете в теннис и ходите в спортивный клуб? Ваша иммунная система в неплохой форме, так как вы едите только здоровую пищу с пониженным содержанием холестерина? Да, это все звучит идеально. Но каждый день сердечные приступы случаются у людей с нормальным уровнем холестерина в крови, и которые считают себя полностью здоровыми. Многие из них имеют постоянную карточку члена спортивного клуба в бумажнике и ходят туда регулярно.

К сожалению 25 % всех сердечных приступов вообще нельзя предупредить. В большинстве случаев такие приступы могут иметь летальный исход. Вот почему в каждом доме необходимо иметь Библию и надо уметь делать сердечно-легочную реанимацию (СЛР). Незамедлительная СЛР спасает более половины пострадавших при сердечных приступах.

Что является наиболее частой причиной возникновения сердечного заболевания? И какая группа людей склонна к таким заболеваниям? Это те люди, у которых повышенное давление с высоким уровнем холестерина в крови, диабетики, курильщики, люди склонные к ожирению и ведущие малоподвижный образ жизни. Также немаловажную роль в появлении заболевания играет наследственность.

Большинство сердечных приступов происходит во сне, когда кровь по телу бежит с небольшой скоростью, сердце бьется медленно, а кровяное давление понижено. Именно в этот период времени мы меньше всего защищены от сердечного приступа. Люди, предрасположенные к сердечным приступам, должны больше бояться ложиться спать, чем ходить на работу – в активном состоянии у человека происходит только 15 % всех сердечных приступов, 85 % всех сердечных ударов реально происходят, когда вы вообще ничего не делаете, то есть смотрите телевизор или спите.

Другие причины смерти – кого мы воскрешаем?

Люди, которые были возвращены с того света, являются одним из основных источников

анализа того, что происходит, когда у человека отключаются все жизненные функции. Многие из них попадали в рай или ад и возвращались оттуда. Рост использования сердечно-легочной реанимации среди населения, может значительно повысить число возвращений людей с того света, так как большинство сердечных приступов случается в людных местах и требуется оказать помощь немедленно. Если не оказать помощь сразу, то возможно повреждение мозга, частичное повреждение функций человека, а также впадение в кому. Если слишком поздно начать оказывать помощь человеку, то он может умереть. Именно поэтому я хочу кратко описать подобные случаи.

Кто будет приводить вас в сознание, если с вами что-то случится? И вообще стоит ли это делать? Когда вы сомневаетесь, то в любом случае попытайтесь оживить человека, привести его в сознание. Например, Атри Малинс – 28-летняя мать двоих детей поступила в центр скорой помощи без сознания (штат Джорджия) и синюшного цвета, – с ней непрерывно занимались доктора.

«Слишком поздно, – было сказано одним специалистом. – Мозг поврежден, и мы уже ничего не сможем сделать».

Другой врач только пожал плечами и произнес: «Пойди, погуляй, и если я ее в ближайшее время не откачаю, то можешь выписывать свидетельство о смерти». Тот вышел из кабинета и захлопнул дверь.

Через пятнадцать минут врач позвонил второму доктору: «Она пришла в себя и уже даже пытается сесть», – заявил он твердо. А потом продолжил: «Вам лучше зайти и увидеть это своими глазами».

Немного спустя Атри Малинс начала садиться и связанно говорить. На следующий день она уже встала с кровати и даже прогулялась со своими учениками, которые навестили ее. И хотя у этой женщины уже были расширены зрачки, что свидетельствовало о смерти, доктор продолжал оказывать ей помощь и спас ее. А зрачки у нее были расширены не из-за того, что она была мертва, а из-за того, что она опрыскивала гербицидом свой сад – именно это вызвало расширение зрачков. Таким образом, расширенные зрачки не всегда означают смерть мозга.

Эта женщина живет до сих пор и растит двоих детей. Она находилась на грани жизни и смерти, а врач только выполнял свою работу. Она, как и примерно половина всех людей, переживших клиническую смерть, утверждает, что она ничего не видела и не помнит.

Как следует возвращать к жизни? В каждом случае следует действовать быстро, так как мозг имеет от трех до восьми минут, когда он не повреждается без движения крови. После этого периода времени мозг начинает постепенно погибать.

А что делать с людьми, у которых случился внезапный припадок или инсульт? У Пола Хогана, по прозвищу «Крокодил Дэнди», внезапно случился разрыв сосуда в мозгу, когда он пытался поднять очень тяжелый груз весом 250 фунтов (около 100 килограммов). Он вспоминает, что ощутил ужасную боль, и ему казалось,

что пол уходит у него из-под ног, а потолок наоборот поднимается. Но Хоган довольно быстро пришел в себя, и ему не надо было оказывать реанимационную помощь. После этого несчастного случая он заявил: «Теперь я ценю каждый день своей жизни».

Существует четыре простых вопроса, которые задают многие умирающие пациенты. Иногда они не озвучиваются вслух.

Первый из них – «Что явилось причиной моей смерти?», но это обычно быстро выясняется по прибытии пострадавших в больницу.

Второй вопрос – «Что случится, если я почувствую что умираю?»

Следующий и третий вопрос – «Существует ли жизнь после смерти?»

И, наконец, – «Безопасно ли умирать?» Что, Вы думаете, ответит умирающий пациент? А Вы?

Что чувствует мертвый?

Случаи, которые я опишу далее, были собраны профессиональными докторами, когда активно применялась методика сердечно-легочной реанимации. Доктора, медсестры активно использовали новейшие реанимационные технологии для возвращения человека к жизни. Это люди, которые обучались со мной работать с оборудованием, обеспечивающим жизнедеятельность человека, в больницах и учебных центрах, специализирующихся на сер-

дечных заболеваниях в Соединенных Штатах. Они рассказали мне о своих случаях в своей практике, поделились знаниями и опытом, которые они приобрели в течение многих лет. На специальных курсах мы обучались технологии сердечно-легочной реанимации, изучали вентиляторы, лекарства, считывали показания приборов, обучались запуску работы сердца и изучали случаи, когда человек впадает в состояние комы. Это явилось хорошим подспорьем в сборе нужной мне информации об ощущениях пациентов, возвращавшихся к жизни. Эти люди побывали у двери смерти и очень часто их впечатления носили страшный, ужасный характер и они не хотели возвращаться туда – как раз именно это они и не могли скрыть.

После публикации рассказов о первых негативных ощущениях людей, побывавших на том свете несколько лет назад, я обнаружил, что мои замечания разительно отличаются от рассказов других авторов, где все было описано в положительном свете.

Около ста тысяч человек возвращается к жизни каждый год при помощи методов сердечно-легочной реанимации. Многие пациенты, вернувшиеся с того света говорят, что там страшно. В наши дни становится абсолютно ясно, что клиническая смерть человека часто является переходом человека в мир иной. И очень часто тот мир намного хуже, чем реальное существование.

Когда актера Вуди Аллена спросили о смерти, то он ответил: «Я не боюсь умирать – я только не хочу присутствовать здесь, когда это произойдет». Вероятно, страх смерти является универсальным страхом, так как мы не знаем, что последует за смертью. Но что, если приоткрыть эту тайну? Если мы сможем обнаружить и доказать существование жизни после смерти, то страха смерти уже не будет.

Люди ощущали себя более надежно, когда за похоронной церемонией следовал целый ряд вещей, которые могут им потребоваться в загробной жизни. Именно эта идея дошла к нам из Египта. Каждый из нас имеет свой взгляд на смерть, смерть неизбежна для любого человека, несмотря на то хотим мы этого или нет.

В течение многих столетий человек пытался заглянуть за порог смерти, но только в последние годы реанимация стала столь мощной, что многим людям, вернувшимся с того света, приоткрылась завеса этой тайны. И смерть для многих людей приобрела свое собственное значение. Большинство людей умирает неожиданно.

Что, значит, чувствовать себя мертвым? Все хотят знать, но никто не может ответить. Удивительно, но многие, кто вернулись с того света, утверждают, что момент смерти безболезненный. Без боли! Совсем ничего. Не противно, не хуже, а никак. Хотя некоторые описали себя так: «без сознания, без сердцебиения, без дыхания». Это даже меньше чем анестезия при операции. Все эти зарисовки и впечатления были собраны у нескольких сотен пациентов, переживших клиническую смерть.

Большинство людей больше всего боятся умирать. Они говорят: «Доктор! Я боюсь умирать!» Но я никогда от них не слышал, чтобы кто-нибудь сказал: «Доктор, я боюсь суда!» А оказывается, что суд – это действительно то, о чем говорят и что видели многие пациенты, вернувшиеся с того света.

40 % (а по некоторым данным до 60 %) людей, вернувшихся из загробного мира, утверждают, что они лицезрели видения, согласуемые с Библией. Картинка рая или ада была столь явной, что человек запоминал очень мелкие детали: каждое ощущение и событие, которое с ним произошло. Но в западной литературе говорится только о приятных видениях и образах, но ничего не сообщается о дьявольских. Если человек приобрел благостные впечатления о загробном мире, то он говорит: «Я никогда не буду бояться умирать еще раз, там так красиво!». В случае негативного опыта можно услышать следующее: «Я не хочу умирать, я этого боюсь. Я не хочу возвращаться в это ужасное место».

А почему тогда от 40 до 60 % возвращенцев ничего не сообщают о каком-либо впечатлении, полученном на том свете? Иногда они сообщают отрывочные данные или вообще

ничего не говорят. Конечно, основываясь на этих сообщениях, кто-то может сделать ошибочный вывод, что за смертью следует пустота.

Около 11 миллионов людей побывали в загробном мире. Может быть, и среди ваших знакомых есть такие люди. Если это так, то почему бы ни поинтересоваться, что они видели или ощущали там? Всегда расспрашивайте друзей, знакомых об этом в конфиденциальной обстановке: предпочтительно один на один, чтобы посторонние люди не слышали и не поднимали на смех. Это личная тема и люди очень чувствительно ее воспринимают.

К сожалению, медицинский персонал старается не интересоваться этим вопросом у больных, оставляя его психиатрам и психологам, которые не видели пациента до этого и очень мало о нем знают. Именно поэтому пациент пытается утаить от психолога все, что с ним произошло, так как мало его знает и не доверяет ему. А медицинские работники не хотят иметь дело с рассказами больных об их посмертных видениях.

Почему не сообщается о случаях попадания в ад

Если отложить интервьюирование пациента на несколько дней, недель, месяцев после случая клинической смерти, то можно услышать только рассказ о радостных и приятных впечатлениях, полученных им от загробного мира. Наша память обладает таким свойством, что мы пытаемся забыть все плохое и негативное, что произошло с нами. Ведь почти во всех религиях церковь гарантирует попадание в рай после смерти, поэтому, если не провести опрос пострадавшего почти сразу, то можно смело сказать, что он расскажет о положительном опыте попадания на тот свет. О случаях ада обычно ничего не сообщается.

Случаи попадания в ад остаются незафиксированными, так как люди стесняются и не хотят вспоминать плохое. Пациенты не хотят с кем-либо обсуждать факты, которые доказывают, что они потерпели поражение в этой жизни, осуждены и теперь будут наказаны. Так как данные примеры разрушают чувство собственного достоинства, то люди стараются не упоминать об этом. Это вызвано природой человека – ну что поделаешь, если такой человек. Обычно врач сообщает пациенту только о последнем диагнозе, поставленном ему, но ни в коем случае не сообщает о врачебных ошибках с другими пациентами. А чем пациент хуже?

Психологи и психиатры, которые написали большинство книг по данной тематике, кажется, вообще не уделяют внимание неприятным и ужасным видениям пациентов. Это вызвано тем, что они откладывают интервьюирование пациента. Слишком поздно спрашивают об этом и не присутствуют в критический момент при возвращении своих пациентов к жизни с того света. Все эти аспекты влияют на отсутствие данных о негативных картинах загробного мира.

Но самая главная причина, почему не хватает негативных случаев – это неправильный способ сбора информации по этому вопросу.

Метод по сбору информации для исследования населения базируется на кривой Гаусса (кривой нормального распределения) и научной информации. Это не совсем правильно и данные, полученные таким образом, являются некорректными. Такие данные и информация сохраняют только показатели одной плоскости кривой, противоположные данные совсем опускаются и о них не упоминается.

Существует большая база данных, собранная различными авторами, которые описали внетелесное существование и околосмертные переживания. Я попросил их вспомнить о негативных примерах из своей практики, но они отказались. Один автор отказался сделать это по причине того, что это значительно расходится с той положительной информацией, которую он собрал до этого. Другая причина – это то, что данная информация противоречит выводу, который уже сделан о загробной жизни. Именно это является одной из причин, кото-

рые значительно затрудняют попадание в прессу рассказов о страшных видениях загробного мира, доказывающих существование ада.

Давайте, подумаем, какие еще существуют причины, что о негативных случаях совсем ничего не сообщается. Клиническая смерть является обратимой, если можно восстановить дыхание пациента и запустить его сердце – именно в этом случае можно собрать большое количество информации, так как эти люди находились близко к биологической смерти. К сожалению, данная группа людей смешивается и часто путается с теми пациентами, которые были «близко к смерти». В последнем случае человек не находится в состоянии клинической смерти, а является живым, у него есть дыхание или сердцебиение, то есть все признаки жизнедеятельности, но они слабые. Пострадавшие, благодаря страху смерти, оказывались на пороге жизни или болезнь приводила их к этому, или какой-либо другой несчастный случай. Некоторое время после этого они были напуганы смертью, ждали ее и дрожали как кролики. Но в большинстве из этих случаев, данные люди не потеряли признаков жизнедеятельности, и они даже близко не подошли к порогу смерти.

Вернувшиеся с того света часто сообщают о негативных впечатлениях загробной жизни. Вот что произошло с Чарли Мак-Каид.

Чарли работал продавцом в одном из крупных магазинов. Ему на тот момент было 48 лет, и его сердце уже начало пошаливать.

Все это случилось вечером 1977 года после того, как врачи Диагностического Центра закончили свою работу. Пэм Чарливос сделал процедуру ЭКГ своему пациенту.

«Все нормально», – сказал он. И пожал ему руку.

«А когда он пожал ее снова, то в это время резкая боль пронзила меня. У меня случился сильнейший сердечный приступ», – так говорил Чарли Мак-Каид о случившемся с ним.

Боль распространилась по всему телу, он стал задыхаться и потеть. Необычный шум монитора заставил нас посмотреть наверх, и мы увидели, что у пациента желудочковая тахикардия (быстрое сердцебиение, что очень опасно для жизни). А затем последовала долгая пауза в биении сердца, слабое дыхание и прямая линия.

Удивительно, что Чарли продолжал говорить что-то, даже когда его сердце остановилось. Последующие 4–5 секунд он выглядел ошарашенным. Он выглядел так, как будто хотел спросить врачей о чем-то. Затем его глаза закатились, голова опустилась и обвисла, а тело расслабилось – он был на грани жизни и смерти.

Этот случай напомнил мне другие, когда сердце останавливалось по той или иной причине, но что удивительно, так это то, что пациент продолжал говорить некоторое время. Если пациента ударить в грудь или спровоцировать кашель, то он будет говорить еще дольше.

К Чарли была применена сердечно-легочная реанимация, мы давили на его грудь, делаем искусственное дыхание, и применяли электрошок.

Чарли лежал абсолютно неподвижно, челюсть и тело – прямо напротив потолка. Одна из медсестер продолжала делать ему искусственное дыхание. Другая медсестра вводила ему медицинские препараты в кровь. Но затем, спустя некоторое время, на мониторе появились признаки жизнедеятельности Чарли. Это означало, что Чарли оживает и приходит в себя, и нам нужно продолжать делать сердечно-легочную реанимацию.

Используя тупую иглу, доктор вошел в крупный венозный сосуд над ключицей, затем проник в синусовый узел сердца с правой его стороны и присоединил датчик к сердцу и прибору для того, чтобы фиксировать даже малейший удар сердца.

Но кровь все еще не двигалась с нормальной скоростью. Как только доктор протолкнул иглу на нужную глубину, сердце Чарли снова остановилось, и его глаза закатились. Затем Чарли весь посинел, и его тело стало биться в конвульсиях.

Одной рукой врач стал опять делать ему искусственное дыхание. В этот момент он громко выкрикнул следующее: «Не останавливайся! Я в аду!»

«Галлюцинации», – подумал доктор. Многие пострадавшие говорят: «Уберите руки от меня, вы ломаете мне ребра». Но он сказал совершенно противоположное: «Ради Бога, не останавливайтесь! Вы что, не понимаете? Каждый раз, когда вы останавливаетесь, я попадаю в ад!»

Затем, он попросил врача помолиться за него. Доктор чувствовал, что у Чарли инсульт и попросил его замолчать. Врач сказал ему, что он всего лишь доктор, а не психиатр или священник. Вдруг медсестра дала доктору Библию. «Что я должен делать? И вдруг я начал читать молитву», – так описывает свои впечатления врач.

«Я прочитал ему молитву, а затем его рука коснулась моей руки. В то время как я читал ему молитву, второй рукой я продолжал оказывать ему помощь и надеялся, что он придет в себя. И когда я упомянул имя Христа и Святого Духа, то случилось что-то странное и необычное: мне показалось, что пациент успокоился, его взгляд прояснился, а лицо приобрело более умиротворенное выражение. Это довольно сильно напугало меня. Я был шокирован произошедшим. Молитва сопровождала душу Чарли в другой мир, а все случившееся произвело на меня очень сильное впечатление. Я до сих пор не могу понять, что на самом деле произошло. Мне кажется, что я помог ему перейти в иной мир, а себе открыл дорогу к спасению. Да, надо верить в молитву – она помогает, она сильнее скальпеля хирурга».

Этот эпизод подвигнул меня начать поиски аналогичных случаев, в которых человек видит ад в момент смерти и не хочет там оказаться.

Библия и ее аспекты в понимании данного вопроса

После этого случая я стал читать на ночь Библию, также просматривал и другие книги.

Все книги подтверждали существование жизни после смерти, но идеи этого у всех преподносились по-разному. При этом одно религиозное учение совершенно отрицало и не признавало другой веры. Так что же именно мне выбрать для самого себя? Я знал, что это очень важно для меня, для лучшего понимания всего бытия. Какие книги являются правдивыми?

Кроме Библии, для расширения своих познаний я выбрал: Тибетские и Египетские писания о смерти, Веды, Упанишад, Бхага-Гиту, Трипитаку, Агамас, Авесту, Талмуд и Коран. Что удивительно, так это то, что многие из этих книг описывают ад и рай. Но каждая из них по-своему описывала Бога и традиции, но все выводы сводились только к тому, что у человека существует только путь в рай. Больше вариантов жизни после смерти предоставляют восточные религии. Но, все равно, у человека больше шансов попасть в рай, а не в ад.

Для себя я выделил единственную правду, что существует Бог, и именно Бог, описанный в Библии христиан, и является истинным, так что я стал ориентироваться на предсказания Библии.

Обдумав все это, я принял решение, что мне следует посетить крупных основателей религий и их захоронения в своем путешествии по всему миру. Я был просто потрясен. Все могилы были с телами, и только одна могила была пустой. Пустое захоронение принадлежало Иисусу Христу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.